

СМЕНА

1-2 ЯНВАРЬ
1933
ИЗД-ВО ЦИ ВКП(б)
„ПРАВДА“

В МОСКВЕ БУДЕТ НОВЫЙ ПРОСПЕКТ ЛЕНИНА

Фото Л. БАТЬ и О. ИГНАТОВИЧ

Единство архитектурного оформления будущего Ленинского проспекта требует реконструкции ряда зданий. Такой реконструкции помимо надстраиваемых здания МХК подвергнется и Малый театр. На снимке: отрезок проспекта от площади Дзержинского до дома Союзов. Рядом с домом Союзов строится новая многоэтажная гостиница Интуриста

Проспект Ленина прорежет центр Москвы, связывая площадь Дзержинского с Дворцом советов. Проспект Ленина поможет превратить Москву в образцовую социалистическую столицу

Проект гостиницы Моссовета, ныне строящейся в Охотном ряду

Ряд домов обречен на слом. На их месте между университетом, Кремлем и манежем возникает новая просторная площадь

В прежнем здании Румянцева музея ныне помещается Всесоюзная ленинская библиотека. На снимке в глубине plainly виден участок, где строится новое огромное лятирпусное здание Ленинской библиотеки по проекту академика Щуева

Старые здания манежа и университета составят центральный участок проспекта

Проспект закончится у Дворца советов. Дворец советов строится на месте снесенного невеликого и грозногого храма Христа-спасителя. На снимке этот участок — слева, справа — здание Музея изящных искусств

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

10-й год издания

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 4-51-54

ЛЕНИНСКИЙ СТИЛЬ ПОБЕД

Ленин учил:

«Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду—это работа многих лет и десятилетий. Это благодарнейшая и благороднейшая работа».

Ленинский район в Москве, который недаром носит имя вождя, недавно рапортовал о досрочном окончании пятилетки. Среди предприятий высшего уровня в пятилетку пятилетки, числятся красноманевренные заводы имени Землячки. Отчет сухо рапортует:

«Завод показал внаперед смелое-стрелное планирование, составление техпромфинплана в каждой хозяйственной бригаде, ввел у себя метод ежесменной часовой перемены между бригадами и отдельными ударниками».

Сухие строчки скрывают волею огромного массового энтузиазма. Какое иностранное ухо, кроме уха родного как заповеднического пролетария, усвоит из сокровенный смысл? Ленин писал о десятилетиях «благороднейшей и благодарнейшей работы по внедрению новой дисциплины труда, новых форм и приемов привлечения к труду». Из этих слов были написаны эти слова—и вот перед нами образы новых форм и приемов, новой дисциплины труда из социалистического производства. План—вожак в самый процесс производства. Мы добились органического сочетания в одном пролетарии организатора и исполнителя, экономиста и техника, хозяина и рабочего.

Смелое-стрелное планирование, хозяйственные бригады и плано-оперативные группы, техпромфинплан, доведенный до станка, бригады «Диль» и производственный буксир—наша эпоха изобилует формами, организующими новое, коммунистическое отношение к труду. «Труд по привычке трудится на общую пользу», как говорил Ленин, по сознательному (переходному в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труда как потребности здорового организма».

Целые поколения буржуазных писателей и ученых занимались «критикой труда, ищет загадочной, метафизической сущности, которая сделала бы труд желанным и радостным в условиях капиталистической эксплуатации. И восторженно загадочно оставались проклятием старого общества, в котором труд был армом, тяжелым бременем котуржника, обремененного на голод или рабство. Ленинская философия труда легко и просто разрешила эту загадку. Но это решение так же просто, как незернимо для капитализма: чтобы труд стал свободным, надо уничтожить капитализм. Представьте себе только смелое-стрелное планирование или плано-оперативную группу на капиталистическом предприятии!

Один из корреспондентов московского ударника Филиппова, ставшего популярным за границей после того, как там узнали его жизнь, достижений каждому советскому пролетарию, писал ему:

«На снимках ваших заводов я не вижу обязательных у нас фигур: надсмотрщиков, шпиков, развозочных акционеро-...»

и говорит: у нас их действительно не знает...
«Мечущиеся в лихорадке кризиса английские леблористы выдвинули на последнем съезде «сверхаппельный» проект социализма в капиталистическом государстве: рабочие предприятия национализуются, создается план, внешняя торговля монополизуются, на предпри-

тиях создается рабочий контроль... все хорошо, лучше не надо. Вплоть до того забывают о самом главном: государство остается капиталистическим, собственность на средства производства—оже... Английские рабочие пока что встречают этот план полным равноду-

нием, но мы легко можем представить себе этот «социализм», если предположим, что наше государство находилось бы в руках Рабушинских и Нобелей. Путинлов организует смелое-стрелное, а Морозов обсуждает в хозяйственной бригаде способы максимального увеличения своих прибылей...
Безице ленинского учения о труде заключается в том, что оно исторически неотделимо от победы пролетариата, что носителям его может явиться только пролетариат.

«Если в годовую Москву—писал Ленин,—затем четыре года империалистической войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смоги начать это великое дело (суботники.—Ред.), то как оно будет дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоеваем мир?»
Теннейший исторический глаз Ленина провидел всю эпоху на шесть десятилетие вперед.
«Он шире померещается, этот временский мыслитель»—писал о Ленине Герберт Уэлс.
Ленин недаром смеялся: он видел то, что сейчас видит весь мир. Он смеялся так же, как сейчас смеются над всей буржуазной экономикой цифры пятилетки, цифры, дающие историю.

В героической колонии цифр пятилетки воплощена наша эпоха, эпоха ленинских побед. И на гранях этой эпохи—два мира: России старая, буржуазная, низкая, плывущая в хаосе капиталистических стран, и СССР, догоняющий и переотгоняющий передовые страны.

За четыре года, отделяющие нас от первых пятилетки, СССР преобладал развитием, которого не удавалось за такой срок прооблечь ни одной капиталистической стране. Под руководством ВЛКСМ (по главе с т. Сталиным—величайшим из социалистических экономистов) фундамент социалистической экономики. Из страны аграрной СССР стал страной индустриальной. По производству тракторов мы занимаем последнее место, так как мы начали с нуля. Сейчас мы занимаем первое место в мире. По нефти и электроэнергии мы занимаем восьмое место в мире, сейчас занимаем четвертое и пятое. По углю мы выдвинулись с шестого места на четвертое. Мы заняли первое место в Европе и второе в мире по производству машиностроения и нефти; четыре года назад мы занимали соответственно шестое, четвертое и третье места в мире. Первое место в мире мы заняли также по производству автомобильного машиностроения и по труду.

Исходя из ленинских указаний, партия, руководимая т. Сталиным, намела историческую программу коллективизации единоличного сельского хозяйства и в итоге первой пятилетки добилась решающих успехов в деле реконструкции деревни на социалистических началах. «Партия добилась того, что кустачество как класс разгромлено, хотя и не добито еще, трудовое крестьянство освобождено от кулацкого кабала и эксплуатации и под советскую власть подведена прочная экономическая база в деревне, база коллективного хозяйства—завяла тов. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК».

Эти победы достигнуты вопреки врагам, вопреки оппортунизму, тягунным партию и гололо неверия, напикте трудностями.

Ленинский комсомолец, борющийся под знаменем Ленина и Сталина на передовых участках пятилетки, неотделим от своего энтузиазма, в своей беззаветной борьбе за дело социализма идеи ленинского коммунистического труда. Тысячи незнатных героев-комсомольцев доказали, что социализм нашей великой страны, как нукло борются за выжить «для других». И в победе первой пятилетки огромная доля по праву принадлежит комсомолу. С тем же энтузиазмом он вступил во вторую пятилетку ленинского труда, пятилетку построения безклассового общества.

«В период первой пятилетки,—сказал т. Сталин в своем докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВЛКСМ,—мы сумели организовать энтузиазм народа, нафос нового строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь это недостаточно. Теперь это дело мы должны дополнить энтузиазмом, нафосом о воем и новых заводов и новой техники, серьезно поднять производительность труда серьезным сокращением себестоимости. И в этом теперь главное».

Борьба за повышение производительности труда, за овладение техникой производства должна стать сейчас в центре внимания ленинского комсомола.

Всегда с Лениным, по ленинским доуказам, ленинским трудом—такой путь ЦКК и ЦКК к своему победному концу партия в борьбе за социализм.

КАРЛ ЛИБНЕХТ

Берлин его хранил в своих зрачках огромных,
 Когда в порыве дней головоломных
 Шап кайзера полки.
 Им утыкались иссед лукавые кормчарши,
 И под торжественные боевые марши
 Полки несли дровишки,
 И огнешающий войны державный демон
 Знаменца разороса за Марью и за Неман
 Всесильною рукой.
 Саслаши, ведомые шакалом и гниной,
 Ложачица замертво на пустырях вселенной,
 Завоевав покой.

Свирепым чудищем, огромным, беспощадным,
 Берлин настоужаеся ухом жадным
 И даемо простор.
 Кошчи железных лап. Он чувствует, смятенный,
 Как толчут улицы стальные батаьоны,
 Чтoб дать войне простор.
 Но в этой страшной тьме и в сумраке свиновом,
 Как красная звезда, пронесся властным зовом
 Суровый крик. И вот,
 Кажалось, надвое столетье раскололось,
 И приказанье звучал чудесный голос:
 — Эй, молодежь, вперед!
 И вздрогнула толпа бульваров и кофеен,
 Был пурпурный плакат на всех столах расклеен,
 А чучка храсрецов
 Неслася по городу и красную зарзаву
 Бросала далеко: «Долой войну!» и сразу —
 «Долой ее жрецов!»
 И спрашивала себя весь город изумленный:
 — Кто этот выскочка? Безумец, окреленный
 Ныбачком юных сил?
 Кто же вождь спартакцев, командование взявший
 И смертный приговор себе же подписавший?
 То — Либнехт был.

Берлин его хранил в своих зрачках огромных,
 Когда толпе осях, голодных и бездомных
 Он подал первый знак,
 И эхо пело всем сердцам, что были рады
 На прайдных площадях воздвигнуть баррикады,
 Поднявщи красный флаг.
 Стояли илжеши ашварские колдотары,
 Дыханье их зажгло в сердцах пролетарята
 И месть, и гнев, и гром...
 Взметнулася океан свободы многоликий,
 Там ветром выстрел был, там бурей были крики,
 Там кровь была дождем.
 Сменялся ночью день, а сменя тах суровы
 Во времена борьбы! Рабы, порвав оковы,
 Революционный стан
 Хранила до конца. И властелином
 Берлином зашалаеца, смеялся над Берлином
 Восставший океан.
 Но книгу черную опять переиштала
 Селая смерть... Одних спартакцев не стало,
 И жар других остыл.
 Но в этом сумраке, как бы восстанью на зло
 Одна душа высокая погасала...
 То — Либнехт был.

Берлин его хранил в своих зрачках огромных,
 Он в бой ведет толпу голодных и бездомных,
 Которая расстет,
 Которая сейчас уже громит оковы,
 Которедлет властно старого основы
 И новый мир в куст.
 Берлин настоужаеца глухое злое ухо.
 Над ним уже расстет Спартак. И глухо
 Грохочет гнивный крик:
 — Берлин! Берлин! К чему твой гомон прайдный,
 Ты не уйдешь от нас! Умни свой бег илпрасный,
 Последний пробля миг,
 Наврасно умертвила меня ты на алесе.
 Из недр твоих опять я вырасти сумею!
 Близки, близки тогда
 Я толпа подаму на недр твоих наружу
 И с красным знаменем их на тебя обрушу.
 Берлин, страшись тогда.
 И если в битве илдут потухнет солнце, вяло,
 Я выну сердце, что оно, как солнце, стало
 Снять во тьме, в пыли.
 О, пламя юных душ! Горы и вырастая,
 Плавь цепь последнюю, шаеки разрушая
 Плаен матери-земли!

СЛЕДНЫЙ БАТРАК

Повесть

*Гостя из города.—Платон любит
отмаз.— Труса проходит в рысь.—
Из дома доносится заунывное пение.—
Урок кулацкий политармают.— Карп
Исаак грозит бороду.— Неизбежно
распространение голоса бля*

Лидка, выйдя из вагона, заметила гравитую отнюдь лошадь, принавыкшую к стою молодой силке и легкая пошевняк было ирго-томисно из сена, покрытого холмом, мягко сидела.

Но около подвода—никого. Обиженно отстранившись, Лидка увидела батрака Лутюшка, который рассматривая паровоз. Его любопытству можно было позавидовать: он, зарвав голову, глаза на будку машиниста, заглядывая под колеса, дотрагивался рукой до тех частей, которые его особенно интересовали.

То ли так нужно было, то ли специально для того, чтобы попутать роготез, машинист пустился в отводную трубку пар.

Лутюшка не сумел даже отскочить и утонул в облаке пара вместе с паровозом. Похоже было—невидимая рука завернула их в белую пухлую бумажку. Когда облачко пропало, Лутюшка подошла к рудке машиниста, размахивая кулаком.

— Я-те вот!

Но ему ничего не ответили. Машинисту было не до того—он пустил машину в ход, и Лутюшка, увидев, что его кулак грозит уже пассажирам, выскочившим в оклад, убрал руку в кармане за спину.

Лидка посвистела. Но это продолжалось недолго. Через две минуты Лутюшка пришел ее в раздражении: он увлеченно смотрел вслед поезду и не думал торопиться.

— Ду-тшуха-а!—крикнула Лидка в нетерпении.

Она услышала, оглянувшись, но почему-то шагнула на плато и пошла, чего-то ища...

После отхода поезда железнодорожный поселок задремал. Прохожие засматривались на Лидку, на ее новую шубу, боты, войлок, и она, зная, что недурна собой и хорошо одета, усеяла в пошевнях, приняв тоскливый вид.

Лутюшка возвращался к подводу, разглядывая что-то в руке.

— Платон,—завила ему Лидка,—ты вырос с медведя, а вешешь себя, тошто ребенок, газете на паровозе... Заставляешь меня мерзнуть...

— А я и думал ее в рысь вадить... а ее только растомлю... вишь, она теперь чуть не с пятачок—бормозта Лутюшка.

— Чего ест?

— Колеблю.

— Ну, хаитит. Садись да поезжай скорей.

Усевшись, Лутюшка лихо подбавил, напавшая воляж, поглядела сбоку, удобна ли дивная дорога, и убедившись, что ничто не мешает быстрой езде, гаркнул:

— И-но-о, м-икрибу!

Сильная рысистая лошадь сразу завяла и по несильно но везь омор. Но быстрая езда была не в интересе Лутюшки. Он зная массу сковок, в которых ловкий батрак обдувает толстую красную хозякую дочку.

Лутюшка перевел хол лошади на трусу, а потом позволил ей идти шагом. Он смело решил попытаться съехать и, слегка обнувшись к Лидке, спросил:

— Ва, Лидка Карповна, ученые теперь, значит, кончили?

— Да.

— Все жуера прошли?

— Индустриальный техникум кончила по химическому отделению.

— Теперь, значит, на должности?

— Да, работаю.

Помочали. Шумел декабровский ветер. По безуму снежному морю пляски л лесу, как к берегу, слочили, подгоняемые поезкой.

— По атомам науку-то проходили?—спросил Лутюшка.

— По каким атомом?

— Как жес,—принялся пояснить батрак,—всякая наука без атомов никуда.

Лидка пожала плечами и синхронно делала вид.

Где ты набрался такой честности?

— Я тоже теперь много всякой науки прохосил.

Он помолчал, желая узнать, какой эффект эти слова произвели на девушку.

— Но она ничего не отетила.

— А слово всяких разучил—прямо-таки девать некуда. Стану теперь говорить с девками, а им все не по слома неадоком. «Синтез», говорю,—они не понимают. «Грассе», говорю,—им смех «иш, говорю, не девка, а минерал».—«А ну, говорит, тебя, охальника!» И прочь от меня. А я им кричу: «Олеум...» Нешто им такие слова понять?

— А где ж это ты набрался таких слов?

— А на станции саоварь кушил за пятацкест пять копеек.

Она помолчалась и откинулась в угол.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать—семнадцатый.

— Семнадцатый,—перезаглавила Лидка,—и в комсомол тоже записался.

— Нету.

— Что жес?

— У нас в деревне комсомольцев нету, а до села—до Сопелок—далеко ходить. Да и хожили не пусклет. «И гит, тебе покажу комсомол. Ты, говорит, при мне этого слова и не поминай, а ты и на тебя епитимнию наложу»—напаша-то валш мне говорит.

Упоминание об епитимии навело ее на мысль спросить, хорошо ли его кричит.

— Ничего,—только по-ты надоедает, и то дело пост. Мне поста навалились—брюхо болело. «Не бужи, говорю, Карп Исаак, посты брости, потому вред чувствуя здоровью». Он грозила: «Поговори ты у меня еще так-и свету не вандиши». Строгий очень. «Ты, говорит, мне еще с колхозом не свяжишь, а ты я тебя в сумасшедший дом отвезу».

— А разве колхоз уже организуются?—вздрыгнула Лидка.

— Нет, еще, но которые побелнее, уже поговаривают. А вот в Сопелках так организация идет на всех парках. Ну, там само! Увлек! Нешто нашей деревнеже за ними угнаться? Живет она в лесу, половина людей в ней «спрости Христа ради».

Лидка только сейчас обратила внимание, что они уже давно едут лесом. За лесом, через поле—деревня. Еще версты три—четыре.

— А кто это «спрости Христа ради»?—подозрительно спросила Лидка.

— А я всех этих странников зову «спрости Христа ради». Они на день эти слова по тысяче раз говорят. Я всех странников так и зову, «и ты, говорю, прости Христа ради, падь-ка сила, пошевнеча». И как случаем услышит Карп Исаак мои слова, ну и гаркнет на меня: «Ты, говорит, и божественным людям не приставай».

— Ну, Платон, довольно болтать. Давай, ежай быстрее, я совсем замерла.

Лидка забю пожелала, как девочка, забинившись в угол пошевнень и подобрал под себя ноги.

Лутюшка затнута вошки.

Он торчал коня, хлестая. На краю деревни Лутюшка сдержал лошадь.

— Хаитит, микриба, отдохни... Надо остынуть.

От быстрой езды Лидка оживилась, поспедела. Ей захотелось съехать с Лутюшкой и дразнить его.

— А зачем ты так несурзано прозвал лошадь? Она такая большая, красивая, и вадут—микриба.

— Так то у меня для ее ругательное слово, потому как она очень лудистая.

— Платон, тебе на самом деле в деревне скучно?—наисчленно молвила Лидка.—Тебе надо жить в городе, раз теперь ты такие мудреные слова знаешь.

Лутюшка прислушался, подумал и не мог понять, куда она клонит.

— А что ж мне теперь девать-то, Лидка Карповна?

— В город надо перебраться.

— Ходов я не знаю. Пропладу в городе-то!

— Не пропадем! Ты уж совсем взрослый.

— Вот возьмите меня с собой, тогда не пропаду.

— Куда же я тебя возьму? Я ведь девушка.

— Так это ж, Лидка Карповна, не помеха.

— Взять сейчас не возьму, а после приезжай—устрою.

— А когда я, мезжать?

— После скажу.

—

В деревне утренняя тишина. Еще не было десяти часов. Где-где подымались над избами дымки доталывающихся печек.

Посреди улицы стоил маленький кривоногий мушкетер. Он держал громадную плетуху с семеном за плечами и напряженно к чему-то прислушивался.

Проехав деревню, Лутюшка свернул к небольшой роще, среди которой стоял низкий, с покосившейся крышей дом.

Лутюшка остановил лошадь у крыльца. Из дома, как из-под земли, доносилось заунывное пение. Он таинственно подмигнула Лиде и произнес тихо:

— «Прости Христа ради» молятся...

— Ну, и что ж из этого! Пусть себе молятся.

А ты разве не молишься?

— Нет.

— Почему же нет?

— Дергия—это оупум.

— Ох, ты батюшко! Подумаешь! А знаешь ли, еще что такое оупум?.

...Лидка увидела батрака Лутюшку...

...Появ последние стихи...

Лидя встретила старуха в черном старожерском платье с белым платком на голове. Пятеро вышитыми лентами и ладанами. Она расцеловала и почувствовала себя легко, возбужденно: ей захотелось обжать всех до, на все поглядеть, ко всему дорожить сердцу приоткрыться.

Прежде всего ее привлекло пение, и она заглянула в молочную.

Впереды у икон стояли четыре «страничника», подстриженные в кружок, в длинных суконных пододеках, за ними — около десяти «страничник» в черных платках, в белых платках на кромку, и дальше правильными рядами стояли десятка три мирян, ина, на языке секты, «пономאים».

Служба кончилась. Пели последние стихи.

«Кто бы мне поставил прекарную пустыню,

Кто бы мне построил не на жительном тихом месте келью,

Чтобы мне не слышать человеческого голоса,

Не видеть греховного сего мира.

Начал бы и горько плакать грехов своих разди.

Отсюда приехавшая пошла по всему дому.

Прошло десять-пятнадцать минут. Лидя пошла посмотреть, почему не расходится. Войдя в молочную, она увидела, что все теперь сидят, а отец, стоя за иконой, проносит приговор.

— Все пророчества святого писания, — устала сказала она, — по нашим старым книгам сбываются до единного. Все сбывается, что предсказано Святое писание нам говорить, что будут птицы железные летать — астают еропками; сказано, что будет едино стадо и один пастирь — завелась колхозы; сказано, что будет пачать зверия — есть книжки кооперации и карточки. Наступил времена пятидесятка, турпайтесь большевиков — исчадил ада, не идите в колхозы — не записывайтесь в антихристу.

Дом Карна Исачна с давних пор являлся одной из главных штабквартир секты «страничников» — бегунов.

Статут бегунов, не признающий никаких правил общежития, не признающий законов, пре-

бующий «сектанты» привлекает в секту всех, кто находится в контрах с советской общественностью, и даже тех, у кого нет оснований скрываться от пролетарского правосудия.

Секта состоит из людей трех сортов. Основную массу составляют сами «страничники», скрывающиеся от мирской жизни. Они отказываются от всякого общения с еретиковыми миром, от казняются от своей доли имущества, если это только члены семьи, а главы семьи все распродают и вносят деньги в кассу секты. Дальше идут так называемые «благотетели». Это в подавляющем своем большинстве кулачество глухих лесных деревьев и бывшие люди, освещенные на отдаленных окраинных городах. Они содержат кельи, где останавливаются «страничники». Иногда «страничник» живет в келье по году, но два и во-всю эксплуатируется «благотетелем».

Вступающих в секту крестят в реке или в бочке и дают другое имя. Прежнее имя, отчество и фамилия не подлежат никакому упоминанию. В секте уже известны их так: раскольник Митрофан, рака божья Марфа и т. д.

Дома у таких «благотетелей» всегда почти такие же, как у Карна Исачна, — изыскание, чтобы бы не бросался в глаза замаскированное то дерево, то дощечка, то вешишко, то поделочка то заборчиком с прирубками, боровошками, горенками тесными, искусно и экономно устроенными, — ведь в таком доме и будни бывают по тридцать человек, а в большие праздники умещается и до сотни.

Третью часть секты составляют «пономאים». Это — заклятый верхушка деревни. У них нет кельи и божушки для «страничника», но они несут к «благотетелям» в келью «милостыню» — жарят секту съезд, делают, представляют ночлег прохладным «страничникам» в нужное время укрывают их на недолгое время на чердаках и ходят на моления.

Бедняки встречаются среди них как исключение, потому что секта не обрабатывает тех, у кого ничего взять. Если удастся кому-нибудь из них заманить, его вербуют прямо в «страничник», а он фактически попадает в батраки к какому-нибудь «благотетелю».

Из таких же бедняков, завербованных в секту, был отец Лутюшки. Он вступил в секту шесть лет тому назад. Сына он отдал в батраки к Карну Исачну, а сам с женой ушел в секту. На второй год ушел и жена, мать Лутюшки, ушла в «яиры» и сошла по время «страничничества» на волжском пароходе с поваром.

Карн Исачн как раз являлся одним из самых опытных и крепких «благотетелей», его дом был одной из твердынь секты.

Карн Исачн преклонился перед образованностью дочери.

В семье же по-барски, жаловало себя преносило, и дочери стало хорошо и не хотелось говорить по неприятно, что она пришла сказать. Вынув несколько рюмок налгати, дочь раскраснелась и попорасла разрешивши закурить. Увидев в ее руках обыкновенные папиросы, Карн Исачн поморщился, подошел к буфету и улыбаясь положил перед дочерью пачку сигарет.

— Вот это да! Я возмущаю. Связи и ловкости!

В это время в комнату заглянул Лутюшка. Лидя встала и быстро прикрыла дверь. В семье Лидя Лутюшкина была, проходила коридорчиком с вердом ногою. Она, не обращая внимания на него, поднималась по лестнице, поканившись и напевая:

— Париж, аж это ты...

С этого момента она ему еще больше понравилась. Эта девушка была в его вкусе — мясистая, широкобедрая, с полным бюстом, с глазами большими и лукавыми.

Он ждал, что она скоро выйдет на улицу и тогда ему опять представится возможность прихлестнуть за ней, но гостий, уйдя в комнату отца, не выходила оттуда. Лутюшка заскулила, с горой выпитая и в пол подидежая слюварь и ушел читать его в курятник, где он занимался чтением, так как Карн Исачн позволял ему читать только божественные книги.

Дочь свекра рассказывала отцу о своих знакомых, имеющих связи с их отцом, и некоторые городские «пономאים», близких знакомым Карна Исачна.

После этого она передала общий совет городских знакомых — немедленно ликвидировать в деревне хозяйство и уехать в город, иначе все равно его через два или три месяца раскулачат — отберут решительно все и вышлют.

Карн Исачн прергательно усмехнулся и оборотной стороной платки взерошил сверху свою черную с проседью бороду.

Прежде чем ответить, он даже расправил широкие плечи и приподнял их. По всему этому он определил, что отец, желая, чтобы власть среди сектантов и крестьян, принявший шизе делать по-своему, ответил отказом. Она даже отпернулась, ненавидя в этот момент его волю и властолюбивую напущенность.

— Я так это знаю, — сказала отец, — знаю, что там, как я, трогают колхозы. Но у нас в деревне колхозы не будет. Я не дозволю, чтобы ни в деревне был колхоз.

— Это совершенно неважно — дозволишь ты или не дозволишь быть в деревне колхозу. Тебя и без колхоза раскулачат. Это обязательно — грубо повзрился дочь.

Карн Исачн стал как будто меньше.

— Ну, это ты, Лидяшка, придумываешь.

— Я тебе, отец, говорю. Ты верь мне. Там, в городе, пронохали об этом.

Карн Исачн ребром ладони ударил по стулу и отрезал:

— Не отдам и этого места ни за какие. Я сам организую колхоз на своих. Попробуй тогда, трюнь мой колхоз. Как наступит буди, трюнь мой колхоз, колхоз будет. Как нестрояная команда: раз, раз — и сделано.

И об этом мы говорили. Глубоко и это дело.

Карн Исачн долго смотрел в глаза дочери и наконец упавшим голосом проговорил:

— Так, по-твоему, никак мне здесь не усидеть.

— Никак ты здесь не усидишь.

— Так что же мне делать?

Карн Исачн, взяв правду бороды а рот, тискал ее губами.

Вечером он кликнул Лутюшку:

— Приготовь лошадей — Лидю Карповну к поезду свезешь.

Карн Исачн не совсем поверил дочери: у девку ум властолюбив, девка может превеличить и натравит бог знает что, набравшись обыкновенных слухов. Да и не хотелось бы, чтобы Лидя, этого своего лесного зюшка, ум отнюдь выгодно оно было тут влиться со своей сектой.

Он сам поехал в город, переборшил с надеждой думать, все узнал и только после этого решил переждать.

Обзив всем своим «пономאים», «страничниками», что господь бог повелел ему переждать в город, Карн Исачн злеставил как можно секты переждать его, и они двумя обзавелись в неделю перетачивая все самое главное в город, а остальное он распродал сектантам.

Через месяц он уже жил на окраине города в своем доме в Исаевых Исаевых Исаевых Левенда, старый холостяк, сын фабриканта, скопированного раньше секту «страничников», поскинскому колхозу по плечу Карна Исачна.

Карн Исачн до этого Лидю Карповну!

Карн Исачн до этого Лидю Карповну!

— Я даже не деревень, которые росли вокруг моего дома, велел срубить и испалить. Срубил, спалил, эти деревни, и теперь продалось нехотелось рубиловок холму. Весной велю ледья выкорчевывать. Лидя-хиди! И она велю тут посеять! Лидя-хиди.

— Вот это дело, Лидя — свелес вместе с ним Левенда. Ты очень мне нравишься. Приспосылай станик И за это я тебя крепко устрою. Замечательное тебе, старик, место мамля...

(Продолжение в № 3-4, «Свет»))

БАТЬКОВЩИНА БЕЛАРУСЬ

Истори пятилетки разбили идеалы буржуазной «символ веры» о том, какой рабочий класс не способен строить новое, что он способен лишь разрушить старое.

СТАЛИН

1. ВЕТЕР С ВОСТОКА

В минском музее дети разглядывают картины деревенной жизни с двумя присказками, обильными ржавым железом. Они напоминают детям перья.

К длинной гладкой палке кроме присказки прикреплено четырехугольное ярмо. Горючую пелю полевского поля оно давно ставит. Житное медленно волочило всю эту конструкцию. Бедно человек шел позади, налегая на нее тосками. Ржавые перья сохи, едва обомкнутые в чернела взорванной почвы, писали бесконечную повесть оубоства этой страны.

Соха. Она — в музее.

Были писатели в Беларуси, которые оплакивали водворение сохи в музей. Они проливали слезы и тогда, когда пятилетка надрезала делутую кожу полевских болот, гнойный царизм сохнул, вода заледя прорытые каналы, колхозная тракторы вошла на простор осушенного поля. Эти писатели восклицали о Беларуси, о батьковщине, о «фатальной силе Беларуси, тающейся в болоте и утерившей с болотом.

Лучшая соха, болотный царь, огни Купаловой ночи, белые одежды первобытной Кривни — вот о какой батьковщине писали национал-демократического толка, забывая сказать, что:

белые одежды давно стали серыми, как гнилая собома на хатах, накануне войны на каждом ста жителях Беларуси семьдесят были неграмотны.

Географы и этнографы императорского русского географического общества имели определенное представление об умственном укладе деревенского белорусца: «Некоторые его основные черты уместно отнести к олад белорусца сохранившиеся в городском низячкинке: вера в нечистую силу, в помощь для борьбы с ней знахарь».

Луниную, знахарскую, безграмотную деревню легче превратить в колонию. Царские гео-

графы заботились об интересах империи. Белорусские национал-демократы смотрели в сторону Речи Посполитой — Польши (чьи помещикам принадлежало сорок процентов белорусских земель, чьи фабриканты сбывали гилзую мануфактуру польскому крестьянину). Национал-демократы, агенты империалистической интервенции, смотрели в сторону Речи Посполитой.

прокиная ветер с востока.

Но ветер дул.

Ветер Октября сшиб даугаваго ора русского империализма и обилого ожела империализма польского, оккупировавшего Белорусскую советскую республику в 1920 году. Но огромная часть страны с 4-мя миллионами населения осталась в руках польских оккупантов.

С тех пор история Белоруссии пошла двумя потоками.

К 1927/28 г. БССР с помощью союзного правительства составила свой пятилетний план. Среди прочего республика наметила полностью ликвидировать неграмотность среди населения к 1933 г. и увеличить производство электроэнергии в три раза.

Белорусь Западная успеха к этому году составила из завлених своих представителей в польском союзе Кривоузу Кинту:

«Симону Романовичу в дер. Шелкова приколпачили цепияи руки к ногам и были, связанного, пока он не потерял сознание. Его приволили в розаме, прикладывая горячую пипиросу к голове и груди. Тодара Ковальского волокли за волосы, потом привязали руки к ногам и были по пятки, пока он не потерял сознание».

Романович, Ковальские требовали от польских властей открытия белорусских школ.

В первый год пятилетки 68 тысяч, во второй — 169 тысяч, а третий — 248 тысяч и наконец в четвертый — 193 тысяч рабочих и крестьян советской Белоруссии ликвидировали свою неграмотность.

Детишки всех национальностей каждое утро собираются в тысячах школьных комнат, Белорусские, еврейские, польские, латышские, литовские школы. Отцы в лучшем случае проливают слезу церковно-приходской школы и хедера. Лишь 28 проц. детей учились до революции. В классе распластана на стене карта СССР — великой батьковщины трудящихся.

В республике не учился два процента детей — те, которых ребята в своих стенигатах называют «застылыми ненавядальниками». Из пяти миллионов жителей два миллиона писали задачи, пипули диктовки и чертали. Дети одновременно вошли в силу декрет Совнаркома Белорусской ССР о всеобщем обязательном обучении и декрет президента Польской республики с запрещением открывать в течение 7 лет новые белорусские школы. Но что уже говорить о ночи! В 1932 г. была разгромлена последняя белорусская частная школа в Шеллявах, Брестлянского уезда. Польская пресса не скрывает, что в деревне Ладзювка, под Вильной, польский учитель казнят 5 детей с каждого, кто проронит белорусское слово. За «ды» или «кае» учитель должен пасть на тылочки.

Равные поступали проше. Учители длаали заробок на берегахках лалч-бичках и за пятилетку белорусские слов ученик получал пять ударов палкой, а за двадцать пять — двадцать пять.

2. ДОРОШНИН, ГЕРЦЕЛЬ ШЛЯР И ПРОБЛЕМА БОЛЬШОГО ДНЕПРА

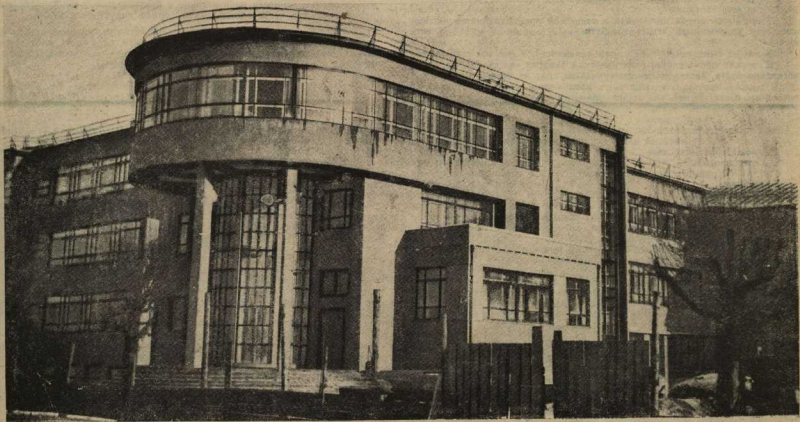
Родной Дорошкина была не Беларусь. Он родился на Бяршчине, в черноробочей семье, как король.

В 1920 поступил в РКСМ — и был председателем (тогда секретарей ичек называли председатели) сельской ячейки комсомола. Уком послал его учиться сначала на рабфак, а потом в Сельскохозяйственную академию в Горках, в БССР. И БССР стала родиной Дорошкина. Он начал работать при кафедре профессора Медиша. Фитопатолог — наука о болезнях растений — сделалась специализацией Дорошкина. Первые три его работы назывались: 1) Ржавые грибы Орпаниского округа; 2) Опытание, как новый метод борьбы с голодом.

голова в Белоруссии губила около 20 процентов всего урожая, и 3) Влияние температуры на прорастание спор голодом.

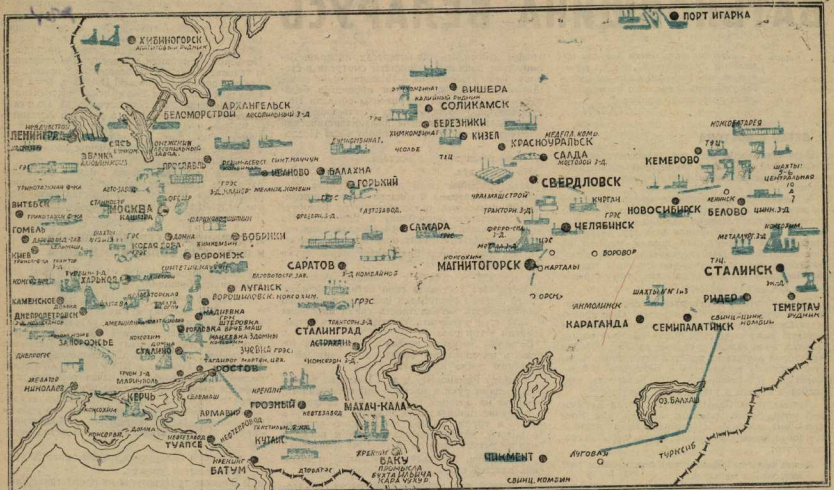
В начале пятилетки ЦК партии большевиков Белоруссии послал Дорошкина в город Борисов поставить на ноги сельскохозяйственный техникум. По всей стране открывались техникумы, школы, вузы. До революции в этом крае не было ни одного высшего учебного заведения, а научную литературу составляли арендуемственно издания минского духовного братства: «Прямой путь в царство небесное» и др.

(Продолжение на стр. 8 внизу)

...Легкое стеклянное здание библиотеки на Красноармейской улице

ИЗ АГРАРНОЙ СТАЛА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ...

Каковы итоги пятилетия в четыре года в области промышленности? Добились ли мы победы в этой области? Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стоим на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стоим на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

При большевиках возникли:
 Химико-технологический институт,
 Планово-экономический,
 Ветеринарный,
 Институт крупного рогатого скота,
 Торговой,
 Авто-дорожный
 Агро-фото-геодезический.—
 — к четвертому, завершающему году Беларуси шестьдесят тысяч и тридцать студентов на каждом из десяти факультетов. В культурной Гемании на каждые десять тысяч населения приходится восемнадцать студентов, в Англии— четырнадцать, во Франции— семь.

Дорожники учли в Борисове лесересных репутатрехнике, разобрал со словарем статьи в немецких сельскохозяйственных журналах. Маленький, с земляным цветом лица, протон, он думал о спасении картофеля,— в Беларусь картошка ежегодно пропадала— 10 миллионов центнеров,— и когда ему разрешили ЦК, он поехал в пограничные районы и установил, что в Польше в 8 миллионов раз расстояние карбодыйный рак, грызущий клубни, его споры сохраняют, явил в земле восемь лет, и эта зараза угрожает колхозным и совхозным полям Беларусь. Дорожники разработали методы государственного картофольного карантин. Кроме того он произвел порайонное описание заболваемости

картофеля, указав, что для полевского картофеля особенно опасен грибок, для мюглевского— черная ножка и т. д. Белорусская Академия наук командировала его в Ленинград на всесоюзный съезд по защите растений,— он не согласился с исокскими картами и отодвинул границу возможного выращивания сои от Смоленска на линию Минск—Орша.

Отец Герелья Шкляра был столяр, каких тысячи в мesteцках Беларусь. Герелья Шкляра носил священные доскутки белой и черной материи, ходил в халер и помогал отцу в мистерской. С тех пор, как поляки ушли из страны, он не согласился со становилось все скушней и скушней в мesteцке. Он стал читать мисские еврейские газеты «Октябрь» и «Унгер арбейтер и однажды, тайком от отца, поехал в город. С тех пор не стало в мesteцке Герелья Шкляра. Лишь через год там узнали, что Гер-

у нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база— на Украине, и который мы с трудом сварились. Мы добились того, что не только поддали эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу— на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности— на Севере нашей страны. Мы добились того, что бурем имели в близи— на Востоке нашей страны. Мы добились того, что бурем имели в близи— на Востоке нашей страны. Мы добились того, что бурем имели в близи— на Востоке нашей страны.

А все это пришло к тому, что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 46 проц в начале пятилетия (1928 г.) до 70 проц к концу четвертого года пятилетия (1932 г.).

(И Сталин. Из доклада на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКБ ВКП(б)

цель стал безбожником, живет в общедатии вместе с белорусскими студентами, не отказывается от сала и мечтает стать профессором. Герелья никто не прощали. На него смотрели с упованием. Местечко само становилось другим. Старый Шкляра вступил в артель. Кооперация рубанков, угля, портняжеских ножинок и спальных драгов вымудила еврейское мesteцко из бедной пауэримии. В годы пятилетия тысячи еврейских семейств Белоруссии получили земельные наделы, организовали колхозы. Укопругуде мужички халеру и шибтово взяли в руки трактор и узелку кола. Герелья Шкляра был в ридлах новой еврейской молодежи, для которой родилий был не Сион.

Он стал изучать взаимоотношения белорусской и еврейской языков и написал труд, который был принят к изданию Белорусской Академии наук.— худой, сутулый, черноволосый, он испывал сотин истин узелким цепким понерком, доказывая принципы марксистской диалектики— и еще написал Герелья Шкляра работу: «Лингвистические высказывания Лабагану».

Таковы отдельные представители двух тысяч научных работников Белоруссии. В начале пятилетия их было почти в 191 тысячу 76 человек. В 1932 году Белорусская Академия наук издала пятьдесят книг большого научного значения.

Одна группа специалистов Академии занимается коксованием торфа, другая конструирует ветряной двигатель, приспособленный к белорусским условиям, третья анализирует строение стебля и армирует четвертая изучает проблему «Большого Днепра», который соединит Беларусь с Черным и Балтийским морями. И все это происходит в том самом городе, где назвался «прямой путь в перисто небесное». В тех самых стенах, где еще недавно контрреволюционные ищдцы, паны белорусской «самобытности», фальсифицировали историю, сочиняли легенды о золотой веке беларушчыны Беларусь! Они хотели убрать страну от пилытки, Доржонских и культурной революции. Но против картофельного рака, позующего с польских границ, был найден метод государственного карантинизма, в то время несомненно, славному, ударил объявленный меч диктатора пролетариата.

3. КАК ОТКРЫВАЮТСЯ СТРАНЫ

Но вернемся к сохе. Прежде чем попасть в музей, она должна пройти большую стужбу белорусской крестьянине. Какое другое орудие можно было применить на болоте? Неизолупешку везалина соху на плечи, брал на повод вола и, погружаясь до шеи в гнилую воду, пробирался к своему острову. На несколько месяцев он оставался совершенно один со своим волом. Осенью полешук снимал урожай и складывал снопы на острове. Он ждал морозов. Только по льду можно было вернуться в деревню.

Наверное сохи надо было начинать с изобретения этой системы.

В тумане болот висели робинзоновские дымки островов.

В 1870 году это пытался осмыслить экспедиция генерала Жилинского. Экспедиция работала 20 лет, провела несколько сот канатов и вернулась назад. В Россию, почти ничего не добившись. Игренская осушка требовала миллионов. Царская казна скупила. Пролетарское государство затратило в первую пятилетку на осушку белорусских болот 14 млн рублей.

Питого мая 1929 года, в первый год пятилетки, по трескам полесских дорогам сжалась сотня крестьян на остров Сосны, в центр Мариинского болотного массива. В Россию, почти ничего не добившись. Игренская осушка требовала миллионов. Царская казна скупила. Пролетарское государство затратило в первую пятилетку на осушку белорусских болот 14 млн рублей.

Западу бегимому. Одинадцать тракторов выехали на дорогу. Им предстояло переплыть осушенное болото на газак тысяч крестьян. Ветер бегенно тискал красные флажки над радиаторами. Впереди шло 10 бестящих «Игреней», 11-м был серый «Плутиловец», один из первых, выпущенных заводом. Тракторы везли комсомольцев.

И вот вырос город.

Ровь, лед, копыто снимают с осушенного болота.

Паровоз ревет, заглушая шорох марта, равный от ветра март. Здесь радио и фабрик, телеграф и кино, амбулатория и печатная газета.

Жителю Полесья издала привлекать внимание этнографов. Подробнейшим образом описаны были всевозможные верования, легенды, сказки. Заняты в разных ракурсах знаменитая полешукская курная изба. Записаны и переложены на ноты полешукские песни.

Комплексная научная экспедиция Союзной Белорусской академии наук в Полесье в 1932 г. открывает новую страну — кирпичный, асфальтовый, мадоядерный заводы, машинно-тракторный станциями, колхозами, Доржонскими и культурными графинами в каждом районе, — новую страну со своими запасами железной руды, глины, цементного камня, торфа, дубовител.

Все это взято на учет учеными, посланными в глубины Полесья.

Учеными — разведчиками второй пятилетки.

4. О НАСЛЕДИИ ГЕТТО, ЧИТАТЕЛЕ СТЕПАНА ГАРБУЗЕ И ВЕЧНОМ ОГНЕ

В губербском городе Минске были: два костела, православный собор, намятник Александру Второму, хоральный синодаль, публичные дома на Новокрасной, три приходские училища, женский монастырь, духовная семинария. Не было: библиотеки, канализации, трамвая.

К трехэтажному Дому Романовых местные власти решили подарить городу культурное учреждение. Рядом с хорамы архирера появились «Юбилейный дом». В тесных, сумрачных залах устранилась чинка благопристойной литеятуры. Читали таинным образом издания священного синода.

У рыночного базара, у реки Немги, воспоет в «Славю» о полку Игореве, а теперь выхощеный, злоевогий, едва прикрытой морщины досками, читался еврейский баянота. Пятилетняя-коммунистка Лариса Рейсер в 1925 г. бродила по черным переулкам этого квартала и написала статью «Наследие гетто», в которой рассказывала историю еврейского мальчишечника, задохнувшегося в тесноте этих домов, лакок, трамшей и скорбей.

Лариса Рейсер умерла в 1926 году и не могла видеть, как выросли белорусские, еврейские, польские мальчишки и стали перестраивать город. Уже через три года после ее смерти, в первый год пятилетки, по бесконечной Советской улице, трезвою, пробегал первый трамвай.

Он соединил козлака с рабочей окраиной Камаровкой и экономия время многим рабочим завода «Деревобудочный, жившим в другом конце города, где при экономии надо было время употребляют, город рос, реконструировались старые и строились новые заводы. Стара Беларусь в промышленном отноше-

Боларус осушает болота своего Полесья

нии была транзитной, мертвой страной. Товарные составы с белорусским лесом шли к обрабатывающим заводам в глубь ларской «ирири». Свое сырье не обрабатывали своими заводами. Жалкие кустарные мастерские, индустрия утигоа и спаножного шина составляли видимость промышленной жизни края. Темные сарайкини, в которых трое-четыре людей кое-как мляли и дубили кожан, носили название кожаных заводов.

Пространит Минск разобрал на доски эти сараи и построил первоклассный кожаный завод «Большевик» с заграницными станками, высасывающей вентиляцией, душами и отдельными одежными шифафиками для всех рабочих. Рядом—металлический завод имени Воронцова. Сборочный цех не уступает по величине целам Сталинградского тракторного. Мостовые краны, станки-универсумы—там, где еще недавно ветер раскачивал из стороны в сторону вынеску саксерно-пальтовой мастерской. Что же стало с костелами, церквами, синодотами?

Над острыми шпицами готического здания бьет красными трамшей флага в башням костеле — польский государственный театр.

В торжественной белоколонной синагоге — еврейский государственный театр.

Путаясь каменными дорогами превращая железнодоржонками Минского узла в Дом культуры.

Хилые булыжные улицы выпрямлены. Заменены брусокотой в кириксером. Над ним поблескивает красные и желтые огни светофоров и голубая молния трамвая.

Самым замечательным зданием в новом Минске надо считать гранито-стеклянный Дом на тихой Красноваршавской улице. Объем его — 33 тысячи кубометров. Здесь государственная библиотека с ордям миллионов томов. В круглых застенках залах этого дома ежедневно занимается 600—700 человек учащихся молодежи.

Из любого местечка, из любой деревни Белоруссии можно затребовать любую книгу, и государственная библиотека немедленно идет ее. Именно о такой постановке библиотечного дела у нас мечтал Владимир Ильич.

Вот абонемент рабочего спичечной фабрики «Красная Березина» Степана Гарбуза. Он затребовал от государственной библиотеки по-следовательно: «История Россия»—Покровский, «Четыре десятилетия Ленин»—«Экономический географический»—Баранского, книгу стихов Янки Купалы «Спадщина», речь Сталина на конференции аграрников-марксистов. Все эти произведения были ему посланы на дом.

Минск, культурно-политический центр БССР, географически не находится в центре страны. Город являлся польской страной. Он стал бы и географическим центром, если бы...

Электрическим заводом культурной революции подхватывает советская Белоруссия.

Чем могут похвастаться господа оккупанты, сунувшие когда-то культурию автономно белорусскому народу? У тех чдо крестьян в Западной Белоруссии переносит их хаты и хату горячие углями,— у них нет денег на спички...

Историями вечной оговь, возвращаясь к каменному веку.

В тех же растоптанных, озвученных деревнях Западной Белоруссии крестьянская молодежь топчет обрести, выщипывает красные флажки, отказывается от уплаты налогов и все чаще и чаще не дает крестить детей, предугадывая будущее.

Бышач, «губернский город» построена дома для рабочих с приемышными, школами, клубами

«КОЛХОЗ УЛУЧШИЛ НАШУ ЖИЗНЬ!»

Колхоз «Чарвоный прогресс», Лозовского района, является одним из лучших колхозов на Украине. Годовой план хлебозаготовок артель «Червоный прогресс» выполнила еще 23 августа. За три года существования хозяйство артели выросло почти втрое. На основе организационно-хозяйственного упрощения артели во многом улучшилось и материальное благосостояние самих колхозников. На снимках: 1) птичник, принадлежащий ударнику артели т. Белоусу. Помимо крупной артельной птицеводческой фермы у каждого колхозника есть 30—50 кур; 2) бывшее кулацкое подворье, переданное батраку, т. Белоусу. Помимо крупной артельной птицеводческой фермы у каждого колхозника кроме норовы, гусей, кур есть минимум 1—2 свином; 3) ударник-дарини колхоза отправляют молоко с фермы на железнодорожную станцию; 4) в хату у бывшего батрака Андриенко; 5) лучший ударник колхоза Федор Белоус, выработавший 400 трудодней; 6) колхозники Перевозный получает после выполнения государственных заданий и распределения доходов заработанный хлеб (25 центнеров).

Ревта разглазился его с почтительным восхищением. Алексей повернул ладонь кизду. На ногте среднего пальца удобно приютилась пропавшая копелка. Ноготь был смазан чем-то клейким. Неумяный смех ревботе приветствовал равнобаченные тайны.

С этого дня сотня старших агрономских школьников также начала называться Алексея Ленева.

После тяжелой работы первых дней он ощущал какую-то легкость, даже веселость, от этой теплоты и беланы, возникшей после его приезда, от парней и девачат подале себя.

Он поспешал у старика-колхозника Оломовы Илья. Дед Илья сообщил Алексею: — Насчет тебя разговор был на бедняцкой группе. Первый ты к нашему стоишь на квартиру пришел, говорят. А то все больше городские — кажиточным. Притом так люди полагают: ты, говорить, говоришь и слушаешь другик можешь со спокоем, без перебивки. Вроде как хвалит.

— Человек на середине комнаты беззвучно открывает рот. Он шевелит губами, но никто не слышит ни одного слова. Визг и музыкальные гудящие человека. Десятки тонких голосов воют и несурзано несут под окнами избы-читальни.

Ладья Иван медленно поднимается со скамейки и выходит на улицу. На мгновение шум за окном стихает, но тут же матерная брань ударяет людей в комнате. В полосе света, отброшенной окном, показываются два вскриденных лица. Они качаются над землей и ругаются вниш. Потом раздаются глухие удары и громкий хрип.

— Ладаева быют, — испуганно всхлинула Нишка Навина, — что же теперь будет!

Несколько парней в комнате растерянно молчат, вперед выглядывая на Алексея. Василиска стоит с ним рядом у окна. Крутые серые глаза ее часто моргают, маленький рот беспомощно подолбуривается. Василиска что-то бороздит о большой беле, о Ромаше, от которого очень опасно отрываться людей.

В этой напряженной обстановке Алексей кажется мелким, второстепенным. От сильного волнения он сторбиса, и глаза у него покраснели. Кто-то лезиво выплеснула стекло в правое окно, и это выело Алексея из пугливого оцепенения. Он сейчас только сообразил, что

сильно боится. Он отсканет от незеленого гула под окном и заставил себя успокоиться. Но тут же вековойный страх наполнил его сознание. За толстой стеной стоят люди с ножами и булавышками. Они пришли отоваривать потерявших людей.

Василиска резко ухватилась за руку Алексея, и ему сразу стало легче. Он ощутил взгляды растерянных парней и понял, что на него надеются. Он сказал несколько незначительных слов и пошел на грохот.

У самого выхода из избы стоял Роман Тутаев — скучный и неподвижный. И здесь опять решимость стала уходить от Алексея. Почти падал от страха и волнения, он прыгнул вперед и схватил Романа за грудь. Он ощутил мышцы, тут налитые кровью, и бессознательно опустил глаза, окаяя удара.

— Классовый враг! — захрипел Алексей испуганно и пошла худыми руками крепкую парусиновую рубашку Романа.

— Сквозь несный гром он слышит торопашье слово:

— Пустя, тебе говорят, пусть! Кто классовый враг? За чем?

Стоякнувшись в дерах, выскакивают на улицу Митяга Охримов, Кочубенко, Гратов. Гурьба денок вырывается из избы. Нарушалась тяжелая неподвижность: уже не шевелится беззвучно губы людей. Не мяукают и не авивают у выбитого окна многоголосая кошка.

— Гады, Ромаша подлый! — кричит Василиска надрыно и идет вперед большими шагами. И уже поднимая с землей заснеженный ладьяев, он натощак бьет одного, другого и прорывается к Алексею.

— Протокол на тебя... — выдыхает Охримов и, не мигая, смотрит на Романа.

С тихой бранью отходит гурьба от выбеленной стены.

— Лигавый, хрипло выкрикивает Тутаев в ответ Охрименке: — У нас с тобой, прежний друг, особый разговор.

На собрание собралась туга. Исполнители четырехдяди обегали Огрому. Всего семь процентов осталось до конца квартального плана хлебозаготовок.

Люди с украинским говором проживали у российских крестьян. Скрыченные нищенки появились ниоткуда. Сколькое слухи пропознали по узким деревенским проулкам...

Семнадцать активистов пришли в избы-читальню. Активистов было меньше — пятнадцать, но всех собравшихся назвал Алексей громким именем активистов.

Две женщины сидели с краю скамейки. Они не протолкнули собраний. Они всегда гудко вырвались в нервные речи руководящих людей, подкалывали их, совивали. Алексей крепко запомнил первую — морщинками, пожимая на следы силовых ударов, и вторую — безобразно, с широкими скачками.

— Вот и наиболее сознательные женщины присутствуют! — сказал он, стараясь скрыть усмешку в голосе и во взгляде. — Женщины, как сказал наш вождь, идут в первых рядах трудящихся.

Было по команде, бабы выпрямились. Алексей знал разные жилитца этих женщин, неспокойный их бедняцкий век.

— Распредели агитацию на каждого активиста! — довила Алексей и посмотрела на доволном председателе сельсовета.

Бабы молчали.

— На трудовые участки, в деревню Мисоседи пойдут комсомолки, а женщинам...

— Мое слово! — подылась безобразно — Кого на трудовые, говорим? — грозно спросила она. — Выходит, солнышке мене разбираются в деле.

Она видела не совсем понимала, о каких участках идет речь. Поэтому, когда Алексей спешно поправился, сказал, что в Мисоседи насчет хлеба вышло решение, тетя Адаюта спросила: — Кто отказывается было уже поздно.

В тот же день она разругалась с соседками. Они укоряли ее прежним укором, кричали, что на чужом горбу она далеко не уедет, что свой хлеб она запрятала, а о постороннем хлопочет.

И повела тетя Адаюта для своей победы дополнительные две процента к прежнему плану.

Теперь верх был на ее стороне.

Оркестр избы-читальни — шесть балалаек, скрипка, гармошка — гремел над ухаками агро. Голубые ленты взвирнулись над войлочными комотами. Двадцать девять телег, выпиты крутые, обнутившие веретямки мешки, покатились на дороге. Подышавши старик на вадней подходе пел протяжную песню.

Актив избы-читальни шел по бокам дороги, сверкая вымытыми колошами. Цветистая хлебозаготовительная газета растущая на фанере. Она скакала на точечном мосте, подытая на окрашенных полях.

Семь процентов плана везла Огрома в районский центр.

Хоть называли Алексея Ленева, хоть добрые разговоры шлепали избы-читальне, только ведомо где обрелась великая часть молодежи в протяжные зимние вечера. Заходил парень к Алексею, погримывав жесткой кожей подшубушка, слышал тихие слова, шурился газетами, присаживался к обгунтому кузовному столу, легко позванивал треструнной балалайкой.

В плотном кружке людей кружилась девка с прибуфтами. Девка громко притоптывала подштанники валенками, и резкий ее голос был слышком громким для этих выбеленных стен. Но тут полагалось быть громкой чинке, и смущалась паяска под балалайку.

По стародавним комсомольским порядкам в Огrome допускались, когда не было крепости поставить доклад с текущими делами в паветские дни. Так тут полагалось речувать. Это от хорошей работы не залазились. А душа того парня, что тихо позванивал трестрункой, не принимает каждодневных докладов. Он может и скорбит о том, только нет от скорби нишкель докладов. Когда б спросил его, как поступить при раскладке полезности в избе, разбил бы он каждый доклад на три куска, а текущее дело — пополам, да промеж да щель кабулку, да громкую песню с припевом.

Звоп весьляя прииднува к себе самородный парень Роман. Оттого после короткого времени, проведенного в читальне, подыгались молодые к Тутаеву.

Городской избач, он же новый комсомольский секретарь, Алексей Бугилов вскоре разобрася в этих путаных делах. Пояснил ему все огромные комсомольцы, печалась о несправедливых желаниях петь и плавать в деловое время.

Но не было испуга перед весьлем у Алексея. Да и у огромного культапропа появилась довольная веселость, когда договорился

— Сядь и слушай, — говорил Алексей, сдерживая тревогу

он с изобилом расписанных плакатов по танцам, баллаетному оркестру и хору.

— Теперь двинут, — сказал культурист, — у нас тут разговоры большие, а расстраны меньше.

Роман Тутаев второй раз переступил порог бывшего кулацкого дома.

Цветистый заголовок стеной гавеста смотрел на всех сверху вниз.

Алексей стоял спиной к двери. Он не видел, но пошел, но догадывался об этом по лицу Лиды.

Алексей пересидел себя и не оглянулся. Роман вступил в круг девчат. Он по-обычному старался держать себя легко и заметно.

— Ударь-ка сербинушку — скажет она и вылетит голосом и под торопливое выступление членик-режиссер с места пошел полным ходом.

Подрагивая корпусом, развязно перебирая облитыми хромом ногами, он зашел:

Сербинка заболела.

У ней стиснула фюка.

Восемь бочонков покла.

Шесть бутянок молока.

Внезапно он остановился и посмотрел вокруг. Алексей разговаривал с председателем совета. Роман на мгновение замешкался, но твердо подошел к ним. Алексей поднял на него равнодушные глаза. Роман бегом взглянул на деряби косяк и протянул руку.

— Что уж, — сказал он, усмехнувшись только тонкой верхней губой, — ошибка промех нам поучилась. Не распознал я снегого. — и он отдернулся, нервно деряби глазами.

Алексей быстро отпустил руку Тутаева, но тот на полсекунды задержал пазыми Алексис в тяжелой своей горсти. Алексис же мог разобораться в своих чувствах. Он не понимал, доволен ли тем, что Тутаев здесь, подле него, спокойный, быть может дружественный.

Он не заметил что гул, только что наполнивший избу, свалился на землю и запоздал куда-то под скамьи, под раскаленную печку. Десятки людей следили за ними, глядели на изгибы их рук, на тонкие складки у глаз.

Роман стоит, прислонившись к теплой кирпичу. Отчетливо скрипит сани на каменной дорожке. Роман смотрит вперед круглыми невидящими глазами. Быть может вспоминать он эвонкие ивонские вечера, лигушские трези у бетонного моста; далекие песни прилетают издалека, торжанные смехи Василисы, обложаясь на круглые его плечи. Солнечная ладья влывет по реке.

Но снова скрип саней слышится на дороге, и глаза Романа Тутаева по-обычному служат.

Вокруг него — тепло одетые люди. Партикрепенный к сельсовету громко говорит и размахивает рукой. А от руки летит тень по стеной гавесте, и кажется Романоу, что мажет человек черным кривом.

— Мы одолели хлэбозаготовки! — выкрикивает прикренявший. — Сельский актив собрал содранные расписки на семена. Теперь мы в трехдневный срок должны засыпать страждоном.

Тутаев едва поворачивает голову, и сосед его, тридцатилетний человек, похолодн на мальчишку, оталяется.

Прямую скажи: заготовки продолжают, чего пугать!

В ответ прикренявший спокойно:

— Кулак насчет весенней заспки то же самое говорил.

В тишине он продолжает о зерне, заработанном в этом году колхозниками, о том, что только крепкая артель даст большой прирост людям.

Лицый благ дима кончается над светлой голубой прикренялоном. Напряжнно следит комсомольцы за ясными словами.

— Звали плавать, — возникает новый члчк патреструный голос, — а теперь старые нести прикренялоном.

Роман стоит, опустив глаза, будто не слышит. Нервной рукой он теревит итнику подкалки.

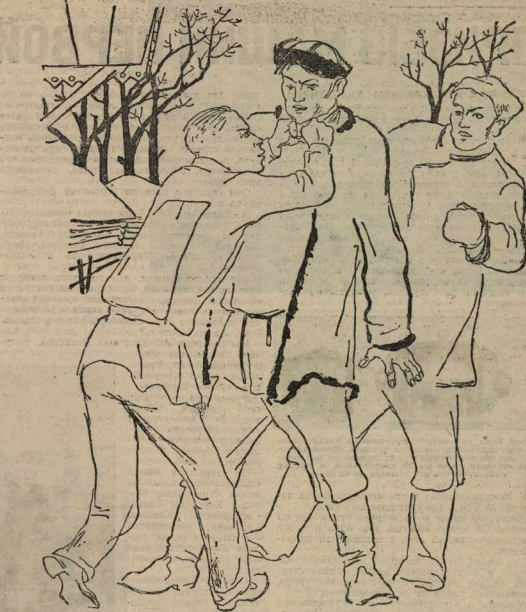
— Замолчи, Кирюха, — поворачивается Алексей, — опить пльши.

И многие делятся быстрому знакомству Алексея с дерябиными именами.

Никто не глядит на Романа, но лицо его становится почти жалким:

— Ясно — не мешай им, — говорит он глухо второму другу Кирюхе и идет к притворной двери. Не маришь им ни громо, ни жемчужиной и, гулко ударив дверью, выходит на мороз. За ним, нахально толпя сапогами, выходит четверо.

А через несколько минут эсент и рюкет в раздвинутых стенах избы-читальни деревенской

Он пригнул вперед и схватил Романа за грудь.

музыка. Шуршат по полу валенные подошвы, вымытая полку-бочку, и круглые глаза Василисы отыскивают на коричневом фианерном шите обложку песенника.

В Москве в гремучем песе, в пзакатных замкомовских коридорах был вынужден ивзл Алексей Буянов обычным, непритязным комсомольцем. Он крепко работал в шахечейке и в аводеком клубе Стрелительный комсомольский секретарь добрал шной раз до его станицы и они говорили о делах молодежной экономики. Работал Алексей в яеичке по этой части. В яичке корястого стола лежал список комсомольцев, долгий список с перечнем ивзурков. В нем — среди многих других — значилась экономическая должность Алексея.

Иногда спорил он с дитенком Лидыном по вопросам завальского сважения. Иной раз доказывал сестре насчет мануфактуры. В полуху собирался робота погулять на стороне, и хоть Алексис не состоял в охотничьих питу, все же проглатывал римку или кружку с прилеталим.

Он жил теперь у колхозника Осолонова в прикренялоном, разгорезонной квартире и, не глядя в окна, знал, что одноклассные курданы окружают деревню. На него глядели в беспартийной деревне Огроме как на городскою, ноутного человека. Шесть комсомольцев — вся отгрозская ячейка — жили в слободах: Гиндальеве, Заволяеве, на Каменной дороге. Далеко, на востоке района, тяжело дышали тракторы. В Огроме было мало земли много пугатых коней. Не полагалось по плану быть тракторами на тесных пашнях Огромы. Люди спрашивали Алексея о машинах и о иосковских указах. Люди верили, что Алексей может на все ответить, и он знал, что должен отвечать. В Алексисе видели твердого человека.

Одни на него надевались, другие ненавидели его. Он знал, что ненавидят только сильных людей, что не один Роман Тутаев будет рвать тзакую комсомольскую работу, — и подавала в себе слабость.

Над черным бугром вздымается светлое вечернее небо. Синие человеческие фигуры летят по бугру. За ним — сельсовет.

В необычный час собираются сюда люди. Умчатый инвестор ивзидни сидит у стола. За хрустлыми ставнями несодрывок окрестных домов гурторит пыльные над словом старинных карт, над тарелками с дельгами. Шапшар: с Каменной дороги добывают ключевую воду в полузлитурном. Забегот воскресные вознишат в подполуме.

Алексей анголово разговаривает с бригадой Осоломи. Он назначает в одну труппу Митку Охривова, корястого парня, с новым человеком, с тем, что был Ладена на сцену Алексея угадаи, кафею ивзурку надо дать этому парню, неадавому бунну и дерзкинну.

— Я с ним не пойдю, — угромо говорит парень Алексис. — Я с тобой ити полагая. Мне друг такой требуется, чтобы не подкачал в случае чего. Может там быть бугур.

Над худыми плечами избуца поворачивал мощную гулку Митку Охривом, неадавный в драке человек.

Алексей глядит на толкое свое плечо, и внезапно новое чувство охватывает его. Он смедленно прикреняется почему-то далекий вигонный план. В кармане ивзветовой его куртки лежат нильско с завлада. «Теперь надо будет план составить» — решает Алексис. И вдруг представляется он сам себе скучным человеком на сцене Шахловского театра с псаши «Тил-тон» в равнозунной рубке.

ПРИЗЫВ МАШИН ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

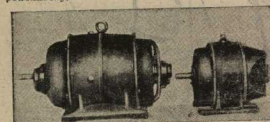
УТРО ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ДИСПЕТЧЕРА

Очень и позком в предутренней декабрьской рассвет сонная рука добирается к штепселю.

Желтый глаз и волосок вольфрама начинают утро, похожее на сумерки.

С улицы врываются трамвайный гуд, автомобильная сирена, крик газетчика, команда радиокультурики на утренней радиоарядке, и синие-красные огни светофора властно останавливают поток транспорта.

Серое сжалось небо, как диаграмму, пересекает черными кривыми проводка. Наступает час, когда начинают свой обычный переплес гудки. «Красный побатары» басит в Богородском. «Сери и молот» а отлет пухает свои трамвайские. Через час машинистки садятся за суеверную, статистичку с четными машинным, Бур плавно роет туфельки московскому метрополитену.

Перед вами два мотора, выпущенные Харьковским электромашиностроительным заводом. Меньший мотор — достижение пятилетки, сохраняющий все качества крупного, лишь на 200 килограммов, и потому себестоимость его дешевле на 40 проц.

У Московского моста несменяющийся часовой — МОЭС — дежурит круглые сутки.

Диспетчер сидит у рабочего стола, как за рынком. Он ищет каждый день одну и ту же симфонию, каждый день с одинаковым напряжением.

Он ожидает, чтобы во-первых перебрести на грузки в энергетическом котле электростанции, он, как учитель, меняет машинным уроки, внимательно следя за их выполнением.

Машины и электричество — на их взаимности находится трудовая ладья, — они по взаимности предостерегают его уснуть и поразжечь.

Машина произносит теперь каждый шаг человека. Она врывается в его быт, проводит трамваем на работу и ставит к станку. Турбины, генераторы, моторы помогают иметь свет, переключаются, говорить на расстоянии, перебрасывать энергию, слать в далекие города трамвайчики.

Машины вымываются в недра земли, находят

путь для домен, они перевозят металл по заводским, на величайших станках раскачивают рельсы, опять разравнивают землю, чтобы на ней сидеть, перерабатывают ее равнообразнейшие слои, трут угольные колы, дробящим магнитной стиркой ощущают глубоко скрытое железо, промышленным аппаратом опрашивают его содержание, обрабатывают поны, заготовили халы стальной.

Они строят и одевают страну от фундамента до крыши.

Двадцатый век в России был завезен с Запада. Появление машин и в российском государстве ознаменованы именами: Гужова, Бромеля, Эриксона, Лесснера, Сименса, Дюфлонна, Пармийенца, Тортона, Рено и Розенкранца.

Кто сейчас помнит, что вот этот завод за Московский заводом, изготовивший генератор «Большой Днепр», выпускавший мощные асинхронные моторы, вот этот завод «Электросила» содержит ведь Сименс, Шуккер, Зигель, Ренк, Артур Коллман?

Мы говорили на телефонах Эриксона, полу-чаша стекла для очков и биноклей от Крезо, литье давал Парвийен-цев, сушил — Торто-н. Это — вчера окурор-ской уездной России, вчерашний день страны, выросшей теперь в социалистического индустри-альной с крупной машино-стройной индустрией.

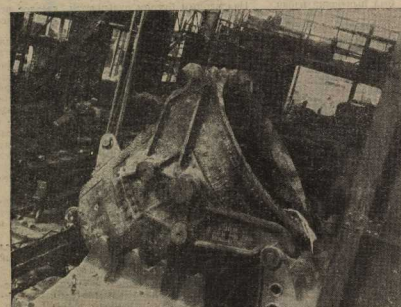
На старых и новых машиностроительных заводах Ленинграда, Москвы, Харькова, Киева, Свердловска, Кингисея, Горькова, Краматорска — в тысячах человек создаются новая техническая база советского хозяйства.

Страна, потребляющая индустрию, производилась в страну, производящую ее.

И вот перед нами машина призыва первой пятилетки.

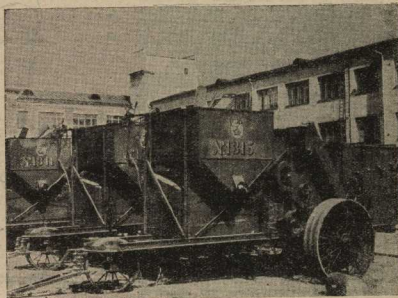
НА СМЕНУ ЗЯЙГОВО И СУЛЛИВАНУ

Черные пласты грунта заскакал многометровыми голцами. Путь к

Раньше руды мчуги развивались по большому ленточному конвейеру, они вывозились в причудливых решетках слепки, слитки рабыли тяжелой колотами. Сейчас к горлу опрокинутого ковша подползает конвейер с ленточными формами, движущимися беспрерывно. Автоматически сортируются готовые «свиньи» в газтоформы.

Теперь работает равномерно. Лавашки Иванецца, одне на 10 в Союзу

Первый советский комбайн — совмещение жнейки и молотилки — был выпущен в сентябрь 1929 г. заводом «Коммунар».

С 1930 г. советские заводы выдают стране 13.500 комбайнов. По выпуску этих машин мы заняли первое место в мире.

На снимке: готовая и отправляемая машина Саратовского завода комбайнов.

ним дается година, п остановкой занимают месяцы и дни. Ствол шахты только искрывает психодный пункт — это вокзал для многолинейных направлений, террило-рических в лабиринте кривых линий, ухапной, штрехов и забоев.

Машина, как бы толкая своими ласками на высоте суживающиеся стеньга пород, рубит пласт, постепенно рожда-ет лавы.

Мировые короли горного машиностроения — американец Сулливан и немец Зяйгоф — до последних лет снабжали врубками советские угольные бассейны.

Врубками машина работает в шесть — восемь раз скорее рудного забоя. Средняя производительность ее — 2 тыс. тонн в месяц.

На ней возможно ставить рекорды добычи. В шахте им. Балдинского друбумашинист Михаил добыл 12 тыс. тонн угля за месяц.

В ноябре 1928 г. на шахте «Соленая» Чистяковская рудоуправление успешно закончила свой первый проб «Донбасской тяжела» — со-ветская врубка, изготовленная Горьковским заводом. В 1929 г. по шахтным стволам спустилось еще 11 советских машин. В 1932 — более 250. И уже есть новые конструкции, другие типы, дополняющие мир советского производства.

Граббе, Николаев и Сотников создали «Тяжелую канатную», Фоменко — Горьковскую тяжелую. 1933 год умножит выпуск в десятки раз. Новый лес врубания. Горькая рассти-тан на 3 тыс. врубков в год и тысячу тонн запасных частей к ним.

Тогда мистру Сулливану придется отойти в сторону, его завод (2.500 машин в год) останется позади.

Но это лишь начало побед. Идея непрерывного потока, стремление к комплексной, озно-весной, всеобъемлющей механизации — основная задача каменноугольной советской промышленности.

И мы идем за эти года к действительно осуществлению, к скорейшему проинкозлению этой идеи в шахту.

Уже поступила в производство угольная комбайн инженер Бахмутского. Сынские советские электровозы произмывают штрехи. В шахтах стоят свои конвейеры — тебеды, подъемные машины, скрепера, взрыво-безопасные моторы Электрозавода.

Интереснейший опыт произвели в 1931 г. на шахте Горьковской рудоуправления.

Бурильный аппарат с турбинным двигателем, изобретенный для нефти инженером Капелюшиным, — это переводит в восторженной технике бурения, это большое завоевание пятилетки.

Энтузиасты турбобура бастиде доказали, что там, где истек (предельный газ) настолько подает и легкое человека, там, где человеческого труд почти невозможен, необходима прохода шахты турбобуром. Значительный газоизносный пласт «Мизурка» не могли одолеть в течение 1½ лет. Турбобур прошел здесь газеюк (слепая шахта, без непосредственного выхода на поверхность) всего за 51 час! Он безопасно вскрыл пласт, пробегая 35 м, в сутки, в при ручной работе, затрачивая 70 человеко-дней, производил лишь по 5 м.

Это открывает неизмеримые перспективы для освоения советского турбобура в оштетных работах на пологих пластах, в темпах прокожения штрехов и механизации забугонных работ (заклада).

КОГДА ИКОРЫ ВОШЛИ В ИСТОРИЮ

О станции Колпино или местечке Икоры вам не расскажут ни энциклопедия, ни дорожный путеводитель.

Название это не вызвало почти никаких представлений, и разве какой-нибудь старательный ученик довоенной гимназии прочтуторова бы соответственный стих:

«Полезшая под Икоры
И загнула на небеса,
И воспоишь ладья взоры,
Ваши синие глаза».

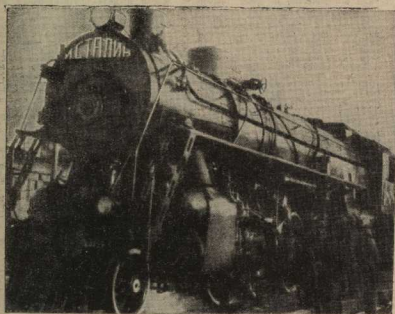
Пушкинская цитата несомненно неопровержима. Действительно есть небо над Икорями, бывает и синее, если идти в рифму.

Но если сегодня вы спросите ученика рядовой советской школы или ФЭУ, что это за итукра Икоры, он вам ответит, что бесценное это местечко выпало «звезда революции».

Икоры вошли в историю поздно, но в экономическую географию Советского союза они заимствуют надолею.

Тринадцатый в мире, первый советский блонимет вышел отсюда, из стен старого завода, ничем не замечательного, ничем доселе не приметного.

И вот этот блонимет, колоссальнейший прокатный обжимный стан, установлен на Максеевском заводе.

Удлинная турбинопота создавая новый невиданный локомотив, лучший из всех существующих «142» с двадцатитонной пугтургой из осы и чугуном на советских материалах. Его назвали «ИС» — Иосиф Сталин

Над ними работали 840 кадровых рабочих, 80 бригад образцово-показательной. За границей при готовых чертежах, специальным оборудовании и большом числе рабочих сроки изготовления такого стана не исчисляются.

Икорцы выполняли заказ в 9 месяцев. Болванки от 5—7 тонн весом будут проходить через мощные валки этого блонимета.

Миллионы тонн заготовок металла в год! На заводе «Электросталь» продолжали успех икорцев — закончили электростроительный завод. Электрическое оборудование для одного блонимета напоминает по своим масштабам целую станцию. Тут установка системы Нильгера, преобразующая ток, главный мотор, развивающий мощность свыше 20 тыс. лошадиных сил, моторы на кантовальных аппаратах, переворачивающих болванку с бока на бок, моторы на раскатных роляхгах.

Три моториста обслуживают электрическое управление этой гигантской машины.

В основу проекта блонимета положены все последние данные германской и американской техники. Тринадцатый в мире советский не уступает ни в чем своим двенадцати предшественникам.

И не только блонимет изменяет лицо наших металлургических заводов.

Невиданными темпами мы нагоняем сейчас металлургию капиталистических стран. Харак-

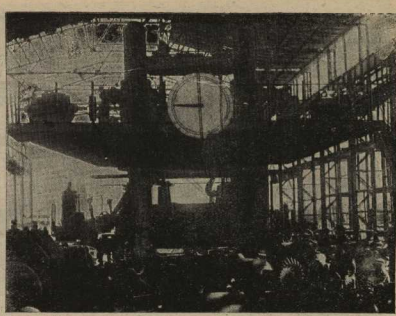
тер агрегатов прибавил иной облик.

Ведь даже самые крупные мартенские печи в первые годы пятилетки вмещали 50—60 тонн металла, в 1932 г. пущены на Сталинском заводе 3 мартена по 150 тонн, строившиеся на Урале и в Сибири.

Уже в воздухе клячатились мартен — двадцатипятитонка, а в Мариуполе осинают также же, но емкостью в 250 тонн.

Разве были у нас до 1928 г. электротрансы 100 таких печей от 3,5 тонны до 15 тонн работают на советских заводах: «Электросталь», Запорожский завод и Магнитогорский электростроительный завод еще большей емкости.

Автоматические вагонные, различные и закаточные машины, электрокраны, грейферы, пульта Бронзуса, забойная

Первая 4-тонная Блонимет в 1 час 16 минут для 23 вилла обшта мавесового блониметом. Испытание тринадцатого в мире и первого советского прошло блестяще. Блонимет готов к нормальной эксплуатации

НА ТРЕТЬЕ МЕСТО В МИРЕ

Когда бетон заливается в корушах и ложа электротрансы ожидают машин, эти люди соглядывают с прищелком монтажников.

Сопутствующие турбинами, генераторами и моторами, эти люди присваивают с Ленинградского «Электростали», за вода им. Сталина, «Красноярского путепровода» дят того, чтобы шумевшим моторным гудением пустынные цехи, для того, чтобы электрические силы возрождались и постепенно бывший глухой и забытым край.

Монтажники — непосредственные свидетели осуществления ленинского плана электрификации.

И они вам расскажут о первых гидрогенераторах для Волховстроя, уже тогда по своим качествам превзошедших шведскую фирму АСЕА (легче на 20 проц.). Это 1926/1927 год.

Эти предшреры пятилетия. И если в тогдэ электростроительный институт СССР за ним заняла восьмое место в мире, в 1931 г. она вышла на третье. Производство электрических машин и аппаратов в три раза с тех пор в 15 раз.

А какие технические свдиги произошли в электромашиностроении за эти несколько лет!

Сверхмощный гидрогенератор для Днепростроя в 62000 квт — мировой, технический рекорд. Здесь применяются все новейшие технологические приемы: сварные конструкции, танталованные обода, замена более прочной изоляцией на асфальтовых лаках, бережущей от пробоя и аварии машины.

Если в 1928 г. самый большой турбинный генератор для тепловых станций имел мощность в 10.000 квт, то в 1932 г. есть 8 машин по 50.000 квт.

А каждый лишний процент мощности крупного генератора означает миллионы киловаттчасов добавочной энергии ежегодно.

«Марка Секабель гарантирует лучшее качество» — это девиз завода на Васильевском Острове. Правда на этот девиз затучено, ибо выпущен подземный кабель напряжением в 120 тыс. вольт.

И готов образец на 220 тыс. вольт! Именно от этого зависит те невероятнейшие по величине своих исчислений магистралей электрона, которые намечает генеральный план электрификации Советской страны.

Уголь, химия, металлургия, торф, общенациональная механизация всех своих производственных процессов, могут давать больше топлива, металла, удобрений.

На советских полях работают комбайны Саратовского завода, тракторы «Пятилетки», СТЗ, ХТЗ.

Любощерная льнотеребилка «Комсомолка» заменяет на 1 га лишь 20 человек рабочих. Спутанный лен захватывается пилками, проходит в теревильную ленту, выдергивается из земли с корнем (это важно для сохранения длины стебля), передается вальцовому аппарату, свдывается в снопы и автоматически свдывается.

На рельсах стоят мощные паровозы 1-51 Феликс, Коломенский сверхмощный ИС, динамоэлектронный Сурам 1 покоряет горные перевалы Кавказа.

Теплоходы и лесовозы с Балтийского завода умножают торговый и пассажирский флот.

А Ставкострой, завод резольверных станков в Москве, Уралмаш, полируют цехи новой армии машин, производящих машины призыва уже второго пятилетия.

Сини развивают в своих стенах организмы новых заводов, которые еще дальше отодвигают в историю мрачный день оккупированной России.

Ленинградский металлургический завод им. Сталина целиком перешел на производство сплавных паровых и гидротурбин в советских новостях. На снимке: регулятор воторы и вальцов турбины в 50 тысяч лошадиных сил

НАША МЕБЕЛЬ

Усиление завершения первой пятилетки в четыре года требует от нас новых побед на фронте жилищного строительства. Рабочие нашей передового и нового жилищного строительства в 1931 г. в жилищном м.р. руб. (против 3% миллиардов рублей, вложенных за пятилетку).

Тысячи новых квартир остро нуждаются в мебели. Тысячи новых квартир остро нуждаются в мебели. Тысячи новых квартир остро нуждаются в мебели. Тысячи новых квартир остро нуждаются в мебели. Тысячи новых квартир остро нуждаются в мебели.

Между тем наша мебельная промышленность — в полосу краха. Советская Россия в своем производстве мебели не удовлетворяет потребности в мебели. Не мало для нас мебели в достаточном количестве и эстетическим требованиям.

Ведь «рабочий класс» — не то, что раньше. Рабочий класс культурных потребностей и в смысле продолжительности жизни. Он имеет не только право, и мы обязаны обеспечить ему эти потребности. Иги Хвойника объединяет все эти потребности. Иги Хвойника объединяет все эти потребности.

Приглашаем всех читателей прислать свои предложения и мнения.

БУР УЗ'НЯ ОБСТАНОВ' КОМА' ПРОШЛОГО ВЕКА
Комната вагін-вагонів 1904 року будівництва, дрілдеровами — нідемними устаткуванням для пилів і колод. Стіни гермідували бовсяниною фарбою в овальних формах.

Отставание нашей художественной промышленности от западной, выдающихся работ наших социалистических реконструкторов быта, — факт общезвестный. Но, пожалуй, ни в одном секторе промышленности не ощущается так резко и не чувствуется в такой мере приращение с новыми формами общественного и личного быта, как в области мебели.

КУСТ РА-Я' ЕЗНАЯ МЕСАБЫ В 'ГУС-СИМ' СТИЛЕ (Настольный вуз)

И как раз в этой части быта наиболее ощущается особенно сильно отставание от западной мебели, которую мы в настоящее время считаем образцом современного общественного быта, — мебель, которая не только по своему назначению и назначению, но и по своему исполнению и даже по своему материалу и отделке, превосходит нашу мебель.

В жилищном секторе отсталый характер мебели сохраняется до сих пор в своем основном значении. В той области мебели, которая является наиболее передовой, — мебель, которая не только по своему назначению и назначению, но и по своему исполнению и даже по своему материалу и отделке, превосходит нашу мебель.

БУРЧА' НА БО' ТАНОВА НАЧАЛА ВЕДУАТОГО ВЕКА
Стиль раннего «модерна». Все кичливо и кичливо.

БУРЧА' НА БО' ТАНОВА НАЧАЛА ВЕДУАТОГО ВЕКА
Стиль раннего «модерна». Все кичливо и кичливо.

жизни — противонапорной и неадекватной. Там, в дореволюционной России, эти вещи худо ли хорошо, но все же были как-то связаны со своей бытовой ролью. В наши дни, когда бытовая роль мебели, в особенности мебели в квартире, и даже ее эстетическая роль, уже не так связаны со своей ролью и сразу приобрели печать чужих военных вынуждений, словно по волшебству и без всякого желания, в ступору подлинной жизни. Там, где в былые дни мебелью успешно выполняли свои утилитарно-технические функции и в то же время своим стилем, всем подкрепляя уверенность в своем будущем, в своей способности к развитию, в своей способности к развитию, в своей способности к развитию, в своей способности к развитию.

В последние годы, когда мебельная промышленность нашей страны, несмотря на все усилия, не только не может удовлетворить потребности населения в мебели, но и продолжает терять все больше и больше своих позиций на рынке мебели. В последние годы, когда мебельная промышленность нашей страны, несмотря на все усилия, не только не может удовлетворить потребности населения в мебели, но и продолжает терять все больше и больше своих позиций на рынке мебели.

В последние годы, когда мебельная промышленность нашей страны, несмотря на все усилия, не только не может удовлетворить потребности населения в мебели, но и продолжает терять все больше и больше своих позиций на рынке мебели. В последние годы, когда мебельная промышленность нашей страны, несмотря на все усилия, не только не может удовлетворить потребности населения в мебели, но и продолжает терять все больше и больше своих позиций на рынке мебели.

В последние годы, когда мебельная промышленность нашей страны, несмотря на все усилия, не только не может удовлетворить потребности населения в мебели, но и продолжает терять все больше и больше своих позиций на рынке мебели. В последние годы, когда мебельная промышленность нашей страны, несмотря на все усилия, не только не может удовлетворить потребности населения в мебели, но и продолжает терять все больше и больше своих позиций на рынке мебели.

А КАКИМ ПУТИНА?

неизменный рост безостановочно растет. Каждый год (с 1926—1930 гг.) около миллиона (увеличение ежегодно 1.500 тысяч руб., в последнем году пятилетия — 2.750 тыс.—1930 г.).

Но эти тысячи квартир надо обставить новой, культурной, красивой.

И вот неслучайно отставание отстала Комиссия исполнения при выполнении программы (от 19 декабря 1932 г.).

Надобно еще дать мебель, которая соответствовала бы нашим культурным и эстетическим требованиям.

И КАКАЯ МЕБЕЛЬ НАМ НУЖНА?

КРОВАТЬ, ВСТРЕПЕННАЯ В СТЕНУ (в раскрытом виде). Худож. Ливан Шимолов.

В задачи главного архитектора при выполнении программы включены: старших мастеров, опытные мастера старых образцов и конструкторы, новые кадры по линии государственности, так и впереработки, мероприятия по освоению художественных навыков и приспособлению мебели к новым бытовым и культурным условиям не только по предметам назначения, чаше всего творчески-художественного плана характере, и почти никто не изменили в общей картине обстановки мебельного производства.

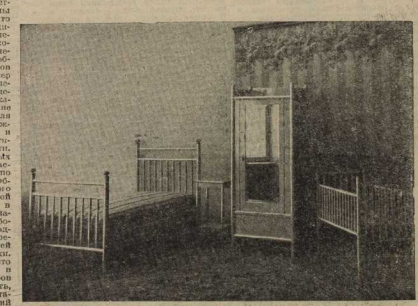
Перед лицом крупнейшей проблемы мебельного оборудования советского типа новых рабочих зданий и бурно растущих городов, в рабочих поселках и вновь возникающих индустриальных центрах наша мебельная промышленность на сегодняшний день обнаруживает не только количественное отставание от западных стран, но и качественное отставание назад по линии качественных требований, обусловленных новым типом культурного роста. Новые рабочие здания по тесноте на территории, но и в культурных требованиях и стольких быстро возмозможности той обстановки, который частью является на бытовые обстановки на территории и скученности из старых жилищ, которые же подгоняются на новую бытовую обстановку подерванных вещей. Этих вещей подгоняются в форме, с одной стороны, возможность рационального устройства новых жилищ, спроектированных промышленностью и бытового культурного типа бытового комплекса, с другой стороны, надобно производить мебель, которую бытовая культура требует.

Качественная недостаточность продукции нашей мебельной промышленности в части оборудования рабочих жилищ и общежитий типичными образцами мебели, отходными продуктами как на бытовую культуру, так и на культурно-конструктивные качества: мебели от простых, кукольного типа мебели

эпохи да рядом оставались мебелью кукольного типа (как например в клубе текстиль в Москве) либо, что еще хуже, являющихся сомнительной роскошью в любой обстановке типичнейшей от былых культурных мифов гарнитур, перемешку с простыми предметами стульями, американскими тумбами, медальонными шезлонгами, искусственными вышками и прочим отравляющим мешаниной воображения.

Непригодность старых форм и образцов мебели для материальной организации и изменениям уклада жизни, равно как и возникновение новых культурных форм коллективного быта, ставшая совершенно новой конструктивной творческой задачей, неоднократно вращалась и себе внимание руководителей местной промышленности, жилищно-строительных объединений, архитекторов и художников-конструкторов. Выбор реконструкции мебели неоднократно ставился и обсуждался в том или ином объеме и с технической-утилитарной и с художественной стороны. Предпринимались и предпринимались кое-какие практические шаги для осуществления этой задачи, но они не привели к желаемому результату.

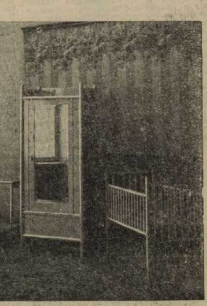
Вопрос о реконструкции мебели неоднократно ставился и обсуждался в том или ином объеме и с технической-утилитарной и с художественной стороны. Предпринимались и предпринимались кое-какие практические шаги для осуществления этой задачи, но они не привели к желаемому результату.

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ МЕБЕЛЬ ИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ТРУБ (Германия, Бамбергские металлургические мастерские, Берлин, 1-32 г.).

УЧРЕНЧЕСКАЯ МЕБЕЛЬ (по проекту тов. Ленинградского А.Вестега).

повышению, что вопрос художественного качества трактовался как вторичный спросился в технических-привычках и инженерной стороне проектирования. Практически такая ситуация мебели для рабочих жилищ, которая в целом была направлена на полное переоборудование жилищного хозяйства, которое было бы посвящено и жертву сооружениям мебели в первую очередь. Многие рабочие мебель в этих новых типах мебели просто как сырье использовались и общепринятый вариант обстановки мебели, отдавая всем своим объектом предметное значение художественных элементов мебели. А в той мере в попытке коммерчески-экономическое соотношение требовало учитывать культурную

ПОПЫТКИ СОЗДАТЬ УДОБНУЮ МЕБЕЛЬ ДЛЯ РАБОЧЕГО ЖИЛИЩА (Эскизы на выставке Центрального Дома, Москва, 1930 г.).

Попытки эти, разумеется, привели к восторженным, но не представляющим ни сколько, выгоды отвлеченности и т. остроты конструкции. Однако и эти мебель далека от наших требований.

ПРОЕКТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОБРАБОТКИ

История мебели, как и история обработки в целом, — это история борьбы с природными силами. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

В то же время в истории мебели так много внимания уделяется вопросам технологии и производства. И это справедливо, так как мебель должна быть не только красивой и функциональной, но и удобной в эксплуатации. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эргономики и удобства. И это справедливо, так как мебель должна быть не только красивой и функциональной, но и удобной.

История мебели — это история борьбы с природными силами, это история борьбы с материалом, это история борьбы с формой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

История мебели — это история борьбы с природными силами, это история борьбы с материалом, это история борьбы с формой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

с развитием конструктивной архитектуры. При этом техника производства и свои отличия от своих форм. И именно здесь, в области техники, мы видим наиболее значительные изменения. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам технологии и производства. И это справедливо, так как мебель должна быть не только красивой и функциональной, но и удобной в эксплуатации. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эргономики и удобства. И это справедливо, так как мебель должна быть не только красивой и функциональной, но и удобной.

История мебели — это история борьбы с природными силами, это история борьбы с материалом, это история борьбы с формой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

История мебели — это история борьбы с природными силами, это история борьбы с материалом, это история борьбы с формой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

История мебели — это история борьбы с природными силами, это история борьбы с материалом, это история борьбы с формой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

История мебели — это история борьбы с природными силами, это история борьбы с материалом, это история борьбы с формой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам прочности и устойчивости. И это справедливо, так как мебель должна выдерживать нагрузки и сохранять форму в течение длительного времени. В то же время мебель должна быть удобной и красивой. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

20 декабря после операции умер в возрасте 27 лет ЯКОВ ИЛЬИН — памятный комсомольский работник, талантливый друг большевистской печати, воспитанный и закаленный комсомолец.

Путь его жизни: 16 лет в 1921 г. он попадает на московский завод «Ирэн» Пресня. Здесь он — инициатор создания фабзавкома, в котором участвует в качестве председателя. В 1924 г. Илья — член Краснопресненского районного комитета, затем член бюро уполномоченного Спасского завода. В 1925 г. Илья работает слесарем на одном из саратовских заводов. Член губкома комсомола.

Возвратившись в Москву, он переходит на работу в Комсомольскую школу — членом преподавателя, затем зам. редактора. С августа 1929 г. Илья работает в «Правде», становится одним из активнейших правдивцев. Его книга «Жизнь фабричного двора» — одна из лучших и наиболее ярких книг о комсомоле.

Он умер на пороге окончательного завершения своего первого большого романа «Большой конвейер» — о людях в яслях Сталинградского тракторного завода. Илья Ильин был одним из активных борцов за спортивную дослуживание среди рабочих петлятеля споживаний паровой техники тракторостроения.

Первый выпуск из этого романа был впервые напечатан на страницах этого журнала (№ 17—18 за 1932 г.) — авторский подвал.

Редакция «Смены» безмерно скорбит о смерти талантливого большевика и талантливого писателя Якова Ильина.

РЕЗКАЯ КУСТАРНАЯ МЕБЕЛЬ В «РУССКОМ» СТИЛЕ (Кустарный музей)

Среди попыток обновления мебелиной культуры в стране в 1920-е годы, мы находим, пожалуй, наиболее интересные образцы, которые вывелись из комбинации ограниченного пространства помещений, трудности размещения в них мебели, трудности размещения в них мебели, трудности размещения в них мебели. Именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

Именно, которое получило дилетантский декоративный характер. И именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

Именно, которое получило дилетантский декоративный характер. И именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

Именно, которое получило дилетантский декоративный характер. И именно поэтому в истории мебели так много внимания уделяется вопросам эстетики и дизайна. И это справедливо, так как мебель должна быть не только функциональной, но и красивой.

ПОХОД „СИБИРЯКОВА“

Очерк первый

Ледокол «Сибиряков» победоносно завершила по веданию партии и при поддержке исторической экспедиции на Архангельск во Владивосток в одну навигацию, без вымплаки.

Экономическое и оборонное значение этого нового образца большинства людей и истинности огромной Болоньски первым же ударом повелевали то, о чем мечтали жители отдаленных населенных пунктов в течение нескольких столетий.

Участник экспедиции «Сибирякова» Бор Громов делится с читателями «СМЕНИ» своими впечатлениями и путевыми записями о героическом рейсе.

Открытие Северо-восточного прохода, которое в последние десятилетия океан с Гимми, с давних времен интересовало человечество.

Сотни отважных путешественников-антисистов, рискуя жизнью, пытались прощупать завесу таинственности, найти путь из Европы к заманчивым богатствам Китая и Индии. Собственно говоря, уже в XIV в. такой путь существовал—мимо Африки, через Индию. Но

на этой первой неудаче неожиданно заработала огромные капиталы. Дело было так: о страшной находке у реки Варсиня донесли Ивану Грозному, который распорядился сделать подробную опись и все материалы передать прибывшему в Московию английскому посолу. В результате был заключен очень выгодный для Англии торговый договор и организована «Английская торговая компания для открытия новых земель, стран, островов, государств и владений».

Но все же попытка открыть Северо-восточный проход не только не удалась, но и оказалась неудачей. И лишь в 1878 г. шведскому профессору Эрнсту Норденшкельду удалось выработать заветную мечту—пройти на корабле из Атлантического в Тихий океан.

Вслед за ним в 1914/15 г. Северо-восточным проходом прошел русский гидрограф Вячеслав Иванович Аннонцев. В 1918 г.—неустойчивый Рольд Амундсен. Но всем им пришлось вернуться, ибо морской путь с обязательной зимовкой судно во льдах при его проходе не оправдала бы.

Таким образом их экспедиции имели лишь чисто географическое значение. Практического же и экономического значения они иметь не могли, ибо морской путь с обязательной зимовкой судно во льдах при его проходе не оправдала бы.

Отсюда ясно, что Северо-восточный проход

Члены экспедиции 1950 ф. О. Ю. Шмидт

«Сибиряков» встретился с Р. Амундсеном. На снимке: О. Ю. Шмидт, Р. Л. Самойлов, В. Ю. Юмашев

в те времена великие морские державы—Испания и Португалия—крепко держали в своих руках путь на Восток, не допуская туда конкурентов.

Известный итальянский путешественник Марко Поло в XVIII в. заманчиво описывал сокровища Востока—обилые золотом, драгоценными камнями, мехом, благовониями и приностями,—подчеркивая, что все это там можно приобрести за бесценок.

Эта мечта имела огромный успех у молодежи, но уже окрепшей английской буржуазии. В результате был поднят вопрос об отыскании нового пути. Наиболее коротким путем естественным казался морской путь, идущий от Мурмана вдоль берегов Сибири к Тихому океану.

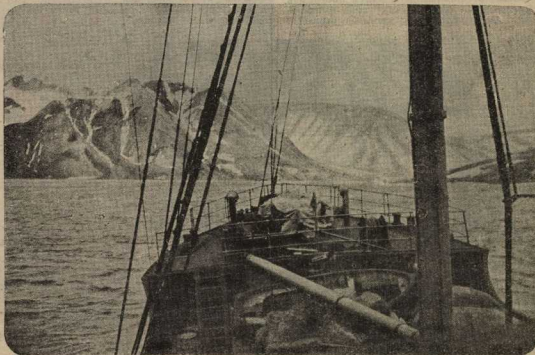
С этого момента началось «нападение» на Арктику. Десятки кораблей отправлялись в плавание, но все попытки добраться до Тихого океана оканчивались неудачей, а зачастую и гибелью всего экипажа.

Первым путешественником, пытавшимся открыть Северо-восточный проход, был англичанин Гуго Вилдубон. В 1553 г. он отплыл на двух кораблях в Ледовитый океан. Но эта экспедиция не только не открыла нового пути в Китай и Индию, а едва добравшись до берегов Мурмана, зазимовала у реки Варсиня.

Теперь, когда у Мурманского побережья сотни советских судов бороздят пенные волны, ежегодно совершают рейсы в Карское море, на Землю Франца-Иосифа, Землю Северную,—теперь нам кажется странной эта зимовка даже не в Арктике, а лишь у ворот ее.

Но тогда это завершилось трагедией. На следующий год русские промышленники-зверобой обнаружили два богато груженных корабля с американскими экипажами. Сам Вилдубон лежал в калесе с дисентерией в руках, который он не переставал писать, пока не потерял сознания.

Но как ни странно, Англия на этом несчастии,

«Сибиряков» у Новой Земли

ловия для существования—жесткие зимы, вечная мерзлота—уже не являются непреодолимым препятствием при быстро прогрессирующей технике.

Нам нужно изучить атмосферу в Арктике. «Погода делается на Севере»,—убеждает опытный полярник профессор В. Ю. Визе.—От состояния погоды в Арктике зависит состояние погоды не только в СССР, но и по всей Европе. Изучая погоду, мы легко сможем предсказать, будет ли год засухливым, холодным и т. д.»

Все эти задачи и послужили основанием для организации в этом году правительственной арктической экспедиции на ледокоде «Сибирьков» под начальством проф. О. Ю. Шиндта для открытия Северо-восточного прохода.

Необходимо отметить и еще один фактор, сыгравший видную роль в организации этого похода. Северо-восточный проход чрезвычайно важен и в стратегическом отношении, ибо он проходит в малых территориальных водах, являясь кратчайшим путем между двумя океанами.

Перед походом «Сибирькова» Всесоюзный арктический институт провел огромную работу по освоению Арктики. СССР не довольствуется отдельными вылазками на крайний Север, не стремится к спортивным рекордам, как достижение полюса, но ставит себе задачей продвижение в полярные области широкой сети старших пунктов в виде научных постоянно действующих станций. За короткий срок открыты и оборудованы новейшими приборами научные станции на Земле Франца-Иосифа, Земле Северной, на мысе Чаюскина, по всему Северному побережью и т. д. В этом—глубоко принципиальное отличие советской работы в Арктике от работы других стран.

Поход ледокола «Сибирьков» впервые в истории доказал, что Северо-восточный проход осуществим в одну навигацию, без зимовки. Научные результаты экспедиции огромны. Удало подобранный персонал ученых по всему пути следования ледокола проводил ежедневные измерения глубин шести морей. Даже в самые тяжелые дни, когда у ледокола тяжелым льдом помалола лопасти, даже в эти дни не прекращалась научная работа. В результате получения богатейшей материи, дающей возможность установить направление течений и распределение льда в самом труднопроходимом месте для судов—в районе мыса Серце-Камнев у Чукотского полуострова. Впервые в истории мореплавания «Сибирьков» удалось обойти с севера Северную Землю, обогать на острове Свердлова, на который никогда не ступала нога человека, и наконец открыть новое, неизвестное науке теплое течение в северной части Полярного моря.

Все эти крупнейшие научные достижения делают экспедицию «Сибирькова» наиболее значительной за историю года.

Пусть читатель не полагает превратно, что открытие Северо-восточного прохода совершенно бесцельно для плавания коммерческих судов. Это еще не так. Ввод в эксплуатацию этого пути зависит от организации на всем побережье Сибири мощной сети научных станций, оборудованных за погодой, от устройства угольных

баз, организации воздушных разведок, лодочной службы и т. д. Но самое главное уже сделано—доказано, что Северо-восточный проход осуществим в одну навигацию.

23 июля 1932 г. Оставайтесь любого выхвата мальчишка, стрелой летящего по улицам Архангельска, и спросите:

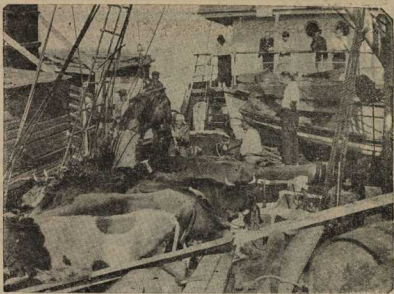
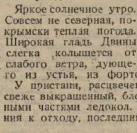
— В чем дело, куда идут толпы народа?

Он с удивлением вытаращит на вас глаза и несдержанно бросит:

— Сам не знаешь, что ли? Известно, «Сибирьков» уходит.

Яркое солнечное утро. Совсем не северная, по-крымски теплая погода. Широкая гладь Двины слегка колыхается от слабого ветра, гонящего из устьев, из форточки Белого моря.

У пристани, расцвеченный флажками, стоит свежее выквашеный, багрящий на солнце медными частями ледокол. Последние приготовления к отходу, последний грохот лебедки, пол-

На палубе «Сибирькова». Стадо коров—свежее мясо для экипажа

Спустились на лед для полярных работ

лимающей на борт огромные аэросани, и все стихло. Лишь 15 коров на палубе, полезу событий стараяющаяся в испонитное но путешествие жалобно мычат, точно предчувствуя что-то недоброе.

Григуа марш. В стороне у гигантского погрузочного крана, в паутине ледяного нависли мальчишки, комсомольцы записи «Молодой гвардии». Последние обряды провожающих. Наверху, на капитанском мостике, поплывется «сам» капитан дальнего плавания В. И. Воронин. Сегодня он торжественен и официально. На нем даже белая воротничок и галстук.

Но, дорогой Владимир Иванович, я-то знаю вас! Завтра же вы эти безобразные аксесуары бросите на дно чеплана и не наденете до конца паса, так далеко, во Владивосток.

— Поднять трап!—взвизгивает сверху его взволнованный голос. Он старается не смотреть вниз, туда, где его жена и сын.

Трапы подняты—преврата последняя связь с берегом. Грустно и заунывно гудит ледокол. Хриг его уносится далеко за Данну, в свежеезанные званные дуга и сризмаку налетает на задний горада.

— Ураа! — раздается с пристани. Якоря во Владивостоке—размашиями зазеленной кепкой, советует грузчик.

— Ребята, чтоб без зимовки!—хорошо выкрикивают комсомольцы.

Медленно сделал широкий круг, величаво движется «Сибирьков» к дельте Двины, окруженный флотским мотором, грехими и парусных судов. С катеров гремит музыка. Бергинувшись за порт, матрос Адаев—корреспондент «Правды Севера»—получает последние инструкции своего шефа. Коля Адаев, собственно говоря, штурман дальнего плавания, но командные места на ледоколе уже были заняты. А плыть так хотелось! Ну, и пошел простым матросом.

Огромные лесозаводы, лесные баржи, а еще знамена и плакаты стоящих по узким берегам реки колони рабочих,—все позади. Пограничный пункт—Чижовка, и вперед—без горизонта—без края широчайший водный простор. Бесле море!

Вдали на мертвом якоре стоит боров, иллюминированное корыто—пловучий мыс Северная Двина, служивший пристанью лодкам, проламывающим иностранные лесовозы в Архангельск.

«Сибирьков» идет вдоль восточного берега, мимо зеленой хвой лесов, мимо скромных рыбацких деревушек поморов, а потом, взяв направление на восток, подходит к Кольскому полуострову.

30 июля 1932 г. Жизнь на ледоколе вопиет в свою обычную колючку. Начался регулярные начные работы. Точно, по скликам, через каждые 4 часа сменяются вахты штурманов и матросов, а время от времени на палубу выскакивают черные от угольной пыли коматеры дохнуть чистым воздухом.

Все расслышался то коматом Большишину пришлось «звонить» в трюме, ибо на верхней палубе место нехватало.

Жизнь топча, как чужья. В одно и то же время к обедному столу протравлено долет эконо-мическое будущее Сани, в один и те же часы начинаются концерты очередного пехуата и поет свою старую, извечную песнь бейшей шесту—будущий киноактер охладился.

К вечеру Полярный круг стал на Югом.

Мис—в преддверии Ледовитого океана, заманчивых перспектив, ожидания. Экспедиция Северо-восточного прохода началась.

(Продолжение следует)

В таком льду «Сибирьков» продвигается «перетягивая» — подтягиваясь от льдины к льдине на стальных тросках

БЕССМЕРТНЫЕ

Вперед разбежались поля. Ветер играет обрывками желтой листвы, купается в чашках завялих лил. Город мертв. В городе — только церковь и полицейские. На башне новой церкви пробило восемь. Какая-то страшная рука нарисовала на ее стенах картины даи, а дубовые кресты — таме глубже и чернее, словно средленевские стамки для пыток. Шнейдемюль — царство молчания. Нет, в полях лучше. Время отсчитывает листья, пощаженные ветром. С клавидом чина их становится меньше. Поздняя осень повисла на лопатках сеной земли, на ветвях облезлых деревьев, на кончиках дождевых труб. Холодно. Должно быть, здесь хорошо летом.

Но осень отменяла свои путь джрозью одиночных березок. Газ мягко падает в серую грудь полей, и сегодня не хочется пестрой игры красок. Одиночество всегда серое. Человек, о котором вспоминали здесь, был тоже охвачен трагедией одиночества, которую сразу поняла только одна человек, никогда не знавший этой трагедии.

«Я пишу в полумраке очень холодного вечера. Со стороны берега сюда несутся, словно с океана, тяжелые облака.»

Вечер сегодня тоже холодный и те же, что и тогда, облака. Здесь еще сохранились следы его шагов. По тропинкам Восточной Пруссии прошли сотни тысяч ног, но в гигантской толпе он остался один — солдат рабочего батальона Карл Либкехт. И кажется, когда при свете керосиновой лампочки он писал свое памянное письмо детям, одиночество давило ему горло. Он много писал. Он населял свою холодную коуну тысячами образов и жил, орудийный язык. Перед ним не было мастери: он создавал ее в образах и беседовал со своим воображением.

«Читаться, учиться и учиться... Подумать только, как счастлива ты в сравнении с миллионами других детей, которые только потому, что родились бедны, не могут научиться многим прекрасным вещам и губят зря свои способности... У нас весна. Поют соловьи.»

И потом — сразу:

«Пусть мои дети узнают горе, это закалит их.»

«Я прокиваю все виды адистинг!»

Из глубины каменного мешка, из-за кандарского кордона, отодвинувшего его от казарн и заводов Германии, он кричал строчками своих пылающих писем:

«Это удары молота, пока гвоздь не будет бит. Удары топора, пока дерево не упадет. Ступ, пока ступишь не протрется. Удары мотыги, пока медленные и малодушные не встанут и не начнут действовать. Я готов быть по жертвовать тысячею собственных живых для освобождения одному тому, кто мог бы помочь русской и мировой революции. Проклятое бессилие! Я бьюсь о стену.»

Проклятое бессилие! Его мучило одиночество тюрьмы, его разрывало на части при одной мысли о том, что он — один, кто его голос, обращенный к миллионам, обращается в пустых улицах юнкерской Германии, как голос пилигрима, затерявшегося в песках. Пехороны были на четыре года в застенке Моабита, он считал минуты, приближающие его к освобождению, для того, чтобы слова вырваться из уст чудовищного одиночества, чтобы снова броситься в пучину борьбы, чтобы будить, спящих, подучивать, малодушных, организовывать смельных и готовых к бою. Одиноким, он в тюрьме был трибуной гнева. Он был велик в своем одиночестве, и тюрьма высылала в нем великую волю.

«Тюрьма — единственное место, где в наши дни в Германии порядочный человек может чувствовать себя свободным.»

Куда над трном повисла тень поражений, его освободила от одиночества. Его вернули в столицу, чтобы он молчал. Ему предлагали купить свободу молчанием. Но разве может молчать Либкехт? 1 мая гремит его голос:

«Долой войну! Долой правительство! Тысячи подхватили этот лозунг. Миллионы повторили его по всей Германии. И горяч жадны до крови восстания — толпа мастеров плетки и висельники — потянулись к Либкехту своими грязными лапами:

«Убить его! Он — предатель!»

Военный прокурор попытается испугать его своим холодным резком угрозу:

«Солдат рабочего батальона Карл Либкехт подложил предварительному заключению на время следствия лад ним по обвинению в том, что он 1 мая 1916 г. публично, перед скоплением народа, и путем распространения писанных прокламаций признавал в неповиновении распространяющим властей.»

Карл Либкехт левая на приказ: через голые жандроны бросал он в толпу свои оглашающие лозунги:

«Рабочие, товарищи, женщины народа! Как долго будете вы спокойно смотреть на это

ад? Как долго будете вы, молчаливые гл: делами преступления, терпеть боль и жажду? Подумайте: пока не встанет народ и не замечт своей воли, истребление народов не прекратится...»

Культура пришла к Либкехту в шуманской каске. Королевская комендантура предлагала Либкехту оправдать себя. Ему обещали свободу.

— Я здесь для того, чтобы обвинять, а не защищаться. Не гражданский мир, гражданская война — мой лозунг.

Суд дал ему возможность подыскать свидетелей существования. Либкехт с презрением отшвырнул эту попытку.

— Я требую, чтобы меня судили за измену.

Это значило: что-то, может быть, казна. Ему дали последние слова. Он говорил через три головы тысячим тех, кто тревожно вслушивался в допетливание на застенке слова.

— Немский милитаризм обит ливническим страхом перед собственным народом. Бесстыдным хвастовством правительство добивается популярности и заключает в тюрьму свободу, обращается к истреблению как к сабтрафной, и в то же время торгует ложью.

Ему дали 4 года и 1 месяц каторги. Копия приговора:

«В такое время, когда большая часть его сограждан без различия сословия, положения, имущественного состояния, стел под знаменами для обороны отечества и готова пожертвовать жизнью и состоянием для защиты его, обвиняемый распространял брошюры и листки, за содержание которых он берет полную ответственность и в которых доказывает, что враг немецкого народа — не французский, русский или английский народ, а немецкие юнкеры, немецкие капиталисты и представители их классов интересов — германское правительство.»

Судьи научились писать хорошим языком. Приговор над Либкехтом стал лучшей революционной листовкой Германии. Но величайшую казнь для Либкехта было одиночество. Судьи знали его, и его вновь отговаривали от удачи, от масс, где искала себе выхода скопанная воля. Его обрели на бесконечный монолог протеста: «Проклятое бессилие... Я бьюсь о стену.»

Но иногда говорят и стены. Голос Карла прорвался на улицу. Множество подхватили его. Они говорили себе:

— Будем, как Карл!

Одиночка становился титаном, когда его голос вырывается из стелой террора, нужно было отделить его от масс.

В августе 1917 г. германский военно-полевой суд приговорил к смертной казни пять матросов, которые поселили в тюрьму Либкехта и бросили свой выход чудовищной воли. Нехотельно ране в одной из клеток Эльберфельда десятилетний ученик в своем школьном сочинении назвал Либкехта героем. Его нельзя было казнить. Его отдали в больницу для умирающих писем и еще один уголок для порядочных людей в Германии...

В улицах еще только поднимался слабый ретер революции. До урагана еще было далеко. Но тем яростнее развивался поединок между Либкехтом и империализмом. Судебный приговор бросил ему обвинение в бесечности. Стихийная гнев Либкехт обрушился на этого юнкерского лакея, но ему заткнули рот. Оставлялся бунат. Негодованным дышат листки его писем кордекому прокурору:

«Председатель назвал меня бесечным, потому, что я не прислужник Гоеншоллеру и Круппа, а сознательное орудие народной социалистической демократии, не равночине гапштадт ненависти к другим народам и жажды завоеваний, а пропагандист протестерской классовой борьбы и мира между народами. Но ненависть, являющая меня, явно бесечным, составляет мою гордость, и слово это я принимаю в свою очередь: бесечным и зову того, кто оказывает содействие политике обмена масс и массовой резни и строит дугие обвинение против меня под прикрытием цензуры и во враке закрытых заседаний; бесечным я зову того, кто отарается запутать смысл своих намерений и моей борьбы обманными шутками против моего отечества. И бесечен, если только сам он не шут, то, кто зовет меня бесечным.»

Его швырнули в каменный мешок, где вождей пытали одиночеством. Десятки его товарищей были казнены, заключены в тюрьмы, затравлены преследованиями.

Либкехт в тюрьме

Страх перед одиночеством привалож его и позорной колеснице социал-демократии. Из боязни остаться в одиночестве он, стиснув зубы, первый раз голосавал вместе с партией, но. Из страха перед одиночеством он оставался глухим к призывам Ленина поврать к международной компании подполье. Но, дикоорачодно измеряя прямоугольником своей одиночки, он получил от них — от провадного братства Шейдеманна — выстрок пошого сочувствия, в тогда он впервые понял свою ошибку, и впервые из его уст вырвался крик protesta:

«Эти господа и впредь будут стойко топтаться в лакейских министерства, доносить на товарищей и на своих партейтагах и имперских конференциях ливать под дуло канцлера. Кто может в этом сомневаться? Я с презрением отклоняю эту манифестацию постыдной демагогии».

Но болезнь одиночества сделала свое дело. Каким революционер он встретил во мраке тюрьмы, оторвавшей его от улиц, где уже начинался пожар Революции, еще зрелая в подземельях истории, она еще только начинала вырываться наружу. Он не слышал ничего; впервые и в сади перед ним вырастала стена. За стеной были люди. Кто? Он знал их и не знал. Кто-то встал. Он не видел, как в пожаре порожений вырастали революционные массы, и ему показало, что все дело в тактике Герхард-одиночек. И тогда, отчаявшись во всем, он бросил свой якорь, но обманчивый лоцман:

— Интернационал стариков погиб, Интернационал молодежи живет!

Интернационал стариков — интернационал социал-демократии — обманула Либкнехта, но на руинах этого интернационала Либкнехт не заметил массовый бой борьбы пролетариата. Когда Ленин разоблачил предателя, раскрыл перед миром провасты их плавления, у Либкнехта мучительнейшего Либкнехта, хватанно мужества поврать с ними. Он сделал это с опозданием, и теперь, оторвавшись от масс, от поднимавшейся волны востания, он канулся в другую сторону, и, привлекший к провадному братству германцев, он стал утверждать, что революционеры повиснут на своих влечах юноши. Так, не желая того, он сам помогал изменникам, воздававшим стену между двумя поколениями революционеры.

Но огневая лозунг рассек патристическую молодежь, раздувала за Либкнехтом-кулину, жаждущая борьбы, остро ненавидящая Либкнехта, она бросилась в бой. Молодежь повалила в «Спартак». Она требовала схватки. Она добивалась ее. В первом номере бое у Либкнехта климат первой жертвой был помощник Либкнехта — Эрих Габергауз. В Габергаузе одна из первых жертв — Фридрих Петер, вождь либкнехтовской молодежи. Либкнехт начал их безстрашно.

Это он говорил массам:

— ..Волны событий поднимаются до небес, но мы привыкли к вершинам падать в бездну. Наш корабль твердо держит путь прямо к цели. И будем ли мы живы в момент ее достижения, — все равно программа наша будет жива, она будет управлять миром освобожденного человечества..

Десять лет спустя, когда жандармы Церибейя расстреливали германских рабочих на баррикадах баррикадах Веддингга, безоружные комсомольцы, помогая отцам отбывать атаки полицейских броневоков, повторили либкнехтские слова:

— Красный фронт, несмотря ни на что!

Избавившись от трагидии одиночества, всей своей яростной волей вложил в стикую массу Либкнехта стал трибуном protesta. Его слова стали словами востания. Эти слова действовали сильнее приказа. Когда спартакосцы «Ротте фане», руководимые Либкнехтом, повисли на улицах Берлина на улицах Берлина вошли 150 тысяч человек. На собрании, где выступал Либкнехт, приходили тысячи. Помещение не вмещали пришедших. Стены лозились от гнева, плававшие в воздухе, тогда провадный листок «Форвертс» писал устами какой-то кровавой сойки:

«Тысячи мертвых лежат в яру Либкнехта и в яру среди них. Почему, товарищи?»

Литературный позор был щедро оплачен Барманом, которого даже голландские прави-

здесь убили Розу

тельство называло самым грязным из спекулянтов, Шейдеманн ассигновал тысячи на убийство вождя, и грязная офицерская сволочь разсыпалась по улицам Берлина пакаты с призывом:

«Спасите родину! Убейте Либкнехта!»

В эти дни вожди бежали от Либкнехта: близость к нему становилась опасной. В эти дни только Роза Люксембург бросила вызов смертничеству и вместе с ним она пошла на встречу угрозам.

Как и Либкнехт, Роза несла на себе печать многолетних ошибок. У Розы они были еще острее и многообразнее. Близость к официальной социал-демократии, общение с предателями засорили ее герниую голуву. Так, запутавшись в марксистских законах, она создала свою особую теорию империализма, она приложила руку к ренегатской теории перманентной революции, вместе с Троцким она игнорировала гигантскую стихию деревни, она наконец не повала великой организующей роли лозунга самоуправления нации. Ленин был безжалостен в критике этой опасной ошибки. Он писал, что своей позицией в национальном вопросе Роза Люксембург полагает бирюковому водороду. Нузави быды годы, когда история безжалостно била заблуждавшихся «левых», чтобы, почтя своей ошибкой, они решились применить сомнительный блок с массами, диния вождями на боковой союз с массами. К этому их привел Ленин своей жестокой, но справедливой критикой. «Спартак» и явился выражением этого ухода Либкнехта и Люк-

За голова Либкнехта и Люксембург была затворилась в эти дни. Убийцы подстергали их везде, но у них была несмьхлания по своим размерам охрана — весь пролетарий Берлина.

6 декабря 1918 г. на улицах Берлина вышла двухсоттысячная демонстрация «Спартак». Главательское правительвство встретило ее пулеметами. На перекрестке двух улиц осталось четырнадцать убитых. Целими являлись легки раненные — без счета. Разрушения толпа буржуазного сброда бросилась против революционных расстрелов. Либкнехт вел за собой возмущенные: он управлял демонстрацией гнева. Носке снова поставил на ее пути пулеметы, но рабочие сбили заслон, захватили оружие, сместили полицейских, уехали с той частью солдат и потом ворвались в пыльные кварталы хозяев. Против них бросили армию, но солдаты отказались стрелять.

«Либкнехта нет среди убитых? Почему? «Форвертс» был на перекрестках: — «Убейте, убейте Либкнехта».

Эберт, Шейдеманн, Велс вызвали в Берлин испытанные, преданные императорскому знамени войска. За императора — против Либкнехта!

Первое нападение направлено против революционных матросов. Многие часы длился бой. Вытесни войска не захватили Виздор! Матросы Либкнехта, матросы революции нанесли им это первое поражение.

Триста тысяч берлинских рабочих в холодный январский день в течение пятнадцати часов демонстрировали на улицах. Правительство украсило стонущу пулеметными гнездами. Десятки мертвых повисли на баррикадах. Когда разрывались предатели, захватили одну из баррикад, их пленником оказался шестнадцатилетний рабочий. Офицер приказал ему кричать:

— Да здравствует Шейдеманн!

Он крикнул:

— Да здравствует Либкнехт!

Ему раскрились приваложив черен и истопи еще не решившись расстрелять. Падал, почти без сознания, он снова крикнул:

— Да здравствует Либкнехт!

Буржуазия больше не могла терпеть. 15 января Карл Либкнехт и Роза Люксембург были зверски убиты наемными убийцами. Носке приказ «Форвертс» был услышан. Розу Люксембург душили спастельным кругом. Маленький круг, беспомощный для тысячи самубийц, оказался спастельным поясом германской буржуазии. Надоело ли?

Палач унял руки. Многие дни спустя один из творческих членов, Эдуард Бернштейн, едва ли угар баррикадных пожарик, жалился эпистолярно живому мертвому:

«Носке лишь выполнил задание партии. Я убежден, что в будущем Карл Либкнехт будет явлен части своей славы, а Густав Носке будет признан за его еще может быть не понутую сместь».

Живой Носке ушел в небытие пререарии. Мертвый Либкнехт всегда был и будет с ним — живой своей невинностью к нашему общему врагу. Смерть Карла и Розы навела соединила их с нами. Они ошибались, и их жестоко бил Ленин. Но Ленин же вынул орлом Розу и повисал на нем же, как муха на Карла. И Ленин же первый раскрыл их трагедию.

— В них, — говорил он, — чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации. Но такой недостаток не есть личный недостаток, а результат слабости вопх немцевых людей, отупавших со всех сторон гнусию Либкнехта и Розы.

Разве другой портрет может быть ярче?

..Очень распавая по полым шесты своего жестокого одиночества. Но на славной могиле в Фридрихсфельде никогда не умирают шесты. И когда валю демонстрация движется к стене огромного мавзолея рабочих Берлин, от индий безстрашный Либкнехт встает в шесты — живой Либкнехт, который никогда не умрет.

Arbeiter, Bürger!

Das Vaterland ist dem Untergang nahe.
Rettet es!

Es wird nicht betroffen von außen, sondern von innen.
Don der Spartakistengruppe.

Schlagt Ihre Führer tot!
Tötet Liebknecht!

Dann werdet ihr Frieden, Arbeit und Brot haben!

Die Frontsoldaten

«Убейте Либкнехта!»
(Листовка революционной организации фронтовиков)

сембург от вождя к массам. «Спартак» отражал еще не завершенную внутреннюю борьбу «левых», борьбу, закончившуюся только их смертью. Их смерть была их победой над своими ошибками.

ПОЭМА О ЧЕЛОВЕКЕ

„Мой друг“ Н. Погодина в Театре революции

Меринг в своей блестящей статье о драмах Гаутмана указывает на то, что от некоторых вещей крупнейшего немецкого драматурга пахнет «запахом труда». От последней пьесы Н. Погодина пахнет тем героическим запахом трудового пафоса и энергии, из которого складывается вся деятельность человека на социалистической стройке.

Наш зритель знает Н. Погодина по таким его пьесам, как «Полюс» и «Тест». В «Моем друге» однако мы встречаемся с новым этапом в творчестве этого драматурга, с восхождением его таланта на новую, более высокую ступень.

«Мой друг» — поэма о человеке, внимающем козлашю пост в коллективе строителей одного из крупнейших городов титанов. Гай — главный герой пьесы — возмужает его строительство. В известной мере все содержание вещи сводится к изображению того, как равноправно в труде борются два типа человека, составленная не из латки пожелтевших календарных листов, а из платно пригнанных друг к другу героических трудов.

При этом Погодина никак не сватывается в пропасть индивидуалистического изображения своего героя. Его Гай — именно часть всего коллектива. Он связан с коллективом цепою семью сосудов, по которым движется и чувство и мысль. В то же время он представляет собой яркий, своеобразный, неповторимый тип человеческой индивидуальности со всеми ее возмужательными особенностями и с присутствующими ей недостатками.

Самый образ Гая является живым вздохом тем гиперболы «героев», которые напоминают мышек-то мышек, одетых шпалух в тот или иной костюм. Его речь является смыслом после речи, отдающих сухим протоколом или непривлекательной газетной передовицей. По существу же все его высказывания — только материал угнетения сознания нашего социалистического строительства, у которого, пользуясь выражением того же Гая, «голова находится как в портфеле, а на собственных пельцах».

Центральный образ Гая является стержнем, красной нитью всей пьесы. Вокруг него вращаются все остальные действующие лица, и оттого, что Гай — душа в плане лирическом, оттого и вся нозия пьесы Погодина озарена этой дымящей лирикой, написана тепло, мягко и доходчиво. При этом автор решительно нигде не выдает в несующую сентиментальность. Наоборот, сухость и строгость — вот качества, которые в еще большей степени оттеняют лирические ноты, звучащие в пьесе.

Мы не случайно до сих пор не касались сюжета вещи. Строго говоря, в «Моем друге» нет твердо очерченного сюжета. Есть целый ряд содержательных эпизодов, которые развертывают перед зрителем не только всю величественную панораму строительства в ее бурлящей героичности, но и демонстрируют, как живой, энергичный и боеисполный коллектив упорно и настойчиво ведет борьбу со всеми силами перед ним препятствующими как вне его, так и в нем самом.

Последнее обстоятельство — борьба с минутными слабостями, по-

рожденными теми трудностями, которые стоят у Гая на пути, придает новой пьесе Погодина очень большую остроту искренности. Таким образом, не имея строго очерченного сюжета, пьеса тем не менее насыщена большим содержанием и смотрится с неслабым интересом, несмотря на некоторую разрыхленность ее драматургической техники.

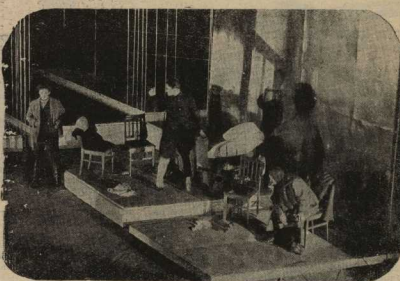
Пьеса Погодина ценна еще в том отношении, что она самым фактом своего появления ставит вопрос о методе художественной тенденции и об изображении положительного героя.

Разумеется, «Мой друг» — тенденциозная пьеса. Но она тенденциозна в самом духе, в самом направлении, самым ценном для нас смысле этого слова. Ее тенденция, в с. основном, ее устремление, является самонаводящим художественным и правдивым выявлением фигур. В недавнем опубликованном письме к английской социалистической писательнице Гарриес Энгельс указывал, что «чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства». Под «взглядами автора» следует у Погодина понимать грубую, ничем не прикрытую, вульгарно-рационалистическую тенденцию, окончательно изгнанную из пьесы Погодина.

Тем не менее основная идея пьесы, основой ее направленности, не только является с максимальной убедительностью, но и легко становится достоянием любого зрителя с помощью чисто художественных средств воздействия.

В лице Гая Погодина дал один из наиболее выразительных и нас одобряющих положительных героев. Над всей своей драматургией нависло то «роковое обстоятельство», что ей не удавалось для почти не удавалось положительные типы. У наших драматургов хватало сколько угодно гнева, жести и черной краски для того, чтобы выводить героев отрицательных. Но едва перо их касалось тех, кто должен был быть противопоставлен этим отрицательным героям, — большинство авторов подстректывало неудачу.

Секрет здесь может быть заключается в том, что «иноязычные

Гай (Астахов) у себя на дому беседует с товарищами

герои» неизменно представлялись до сих пор как люди, лишенные всякого рода недостатков. На белоснежном листе из непорочной бумаги не должно было быть ни единого пятнышка. Погодина сразу отряпал от этого ложного взгляда.

М. Бабанова в роли Колокольчиковой

Он понял, что речь идет не о наличии отдельных частных недостатков, а о том, какой общий баланс данного человека. Если этот баланс является по отношению к эпохе, — перед нами положительный герой.

Гай (Астахов) принимает одну из приспелых

рой. На любом человеке бывают пятна. Стопроцентные «святые» всегда отдадут заманчивым малым выдумками и антихудожественности.

В плане социалистического реализма, в плане активного балнелет по отношению к эпохе и для Гая, один из немногих удавшихся героев во всей нашей драматургии.

Успех пьесы — заслуга не только одного автора. Весь коллектив театра предстал в новой постановке во всеоружии своего мастерства.

Режиссер Попов и художник Шапелов максимально выстроили вещь с точки зрения театральности. Если принять во внимание, что в подложной пьесе приходится преодолевать некоторую повествовательную инерцию, враждебную театру, заслугу режиссера следует считать высочайшей.

Отлично выполнена возмужательная на него задача и весь актерский коллектив, из которого следует в первую очередь выделить: Бабанову, создавшую замечательную фигуру из роли, которую обычно искусственно называют прохладной. Штрауха, очень выдумчиво и мягко играющего роль «руководителя коллектива», и особенно конечно Астахова (Гай).

Астахов очень умно отыскал основную тонкую нить. Скупость и сдержанность в интонациях, ни тени аффектации в жестках, ни следа героического штампа. И тем не менее перед нами — значительный и большой человек, боец и большевик в подлинном смысле слова.

Тот факт, что после «Улуса» родного Театра революции добился нового успеха, на этот раз уже на нашем, вполне современном материале, вновь подтверждает, что перед нами — коллектив, располагающийся «большими и все еще целиком не открытыми возможностями».

Р. С. Только за чертой поскрипывания или синтеза умственным упорством в некоторых недостатках этой пьесы — коллектив, располагающийся «большими и все еще целиком не открытыми возможностями».

БЫЛОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ВОДА ЧИСТЯТСЯ В ПУСТЫНЕ, НО НЕ В ШТАТЕ

«В нашей стенигазете,—сообщает т. Половец,—так пишут: или с разных газет по куску деуют и вроде получается, как в Большой Гатке. Только газетой и воды больше. А то по вечерам поддуываются начинаю: кто с кем проишел или предскажут сельхозе сидел вечером у такой-то. И еще прошу написать: по-серьезному всегда надо поступать в стенигазете или можно для веселости кулеты писать, а также и другие?»

Большая печатная газета печатает статьи и заметки для многих сел и городов. Несмотря на это, в каждой хорошей статье есть яркие факты и примеры из жизни, без которых никакие рассуждения и выводы не будут убедительными. «Любезные пишущие фраз,—говорил Ленин,—любозные простого будущего дела».

Стеновой газеты фактический материал, подобранный и разработанный, необходим и одобрен. Статей на общие темы не стоит здесь давать, потому что такие статьи, но во многом за чужим написанием, можно прочесть в печатной газете.

Стеновая газета может и должна брать лишь сложные злободневные вопросы, но давать их в связи с местными событиями и задачами. Нельзя например писать о кассовой работе многокомандного комсомола, забывая о закрепления и воспитании новичков своей ячейки.

Общность, громкие фразы, без конкретного содержания, только мешают работать. В то же время будничные факты жизни и работы молодого рабочего и колхозника являются частью больших и серьезных вопросов. И этого никогда нельзя забывать, помещая материал в стенигазету.

Но среди этих самых будничных вопросов надо умение выбирать для газеты наиболее важные, возмущающие, имеющие общественное значение. Прежде чем поместить заметку, надо тщательно проверить факты, изложенные в ней, а также подумать, какую пользу принесет заметка. Каким примером будет общественная работа, когда вы узнаете, что председатель совета в гости к какой-то женщине?

«Но если эти женщины кулачки или лысины, вопрос уже приобретает общественный интерес: быть может здесь имеется связь с чуждым элементом, недозволенным для представительств советской власти. Тогда поднимается вопрос о проверке всей деятельности этого районного, вопрос о классовой работе».

Отбирая заметки, годные для печати, надо следить за тем, чтобы классовый враг не использовал стенигазету в своих целях. Часто майской работница или сельхозкорпусарины с кулацкой подоплекой, чтобы охладеть честного работника, чтобы внести в заблуждение общественное мнение, чтобы выгородить из бедн кулака.

Для того, чтобы все эти предостережения на работу — раздельно стенигазету надо помещать проверенных товарищей, обладающих классовым чутьем, умеющих отбирать важное из второстепенного и отличать большинство от меньшинства, выбирать правильную форму, выразительную работу от запятычества и клеветы врага. Работники ре-

дакции должны научиться сочетать «русский революционный» рамах с американской действительностью. Беря задачи огромной политической важности, надо уметь успешно и своевременно разрешать их в повседневной будничной практике».

Поставьте вопрос о работе стенигазеты на комсомольской ячейке, обсудите подробно все недостатки и достоинства, прочтите сообща эти строки, посмотрите, владеете ли люди ведуть работу, и наметьте подробный план дальнейшей работы и учебы газетных работников.

Теперь — серьезности и всесторонности в стенигазете. Скука — враг молодежи. Скукой можно только оттолкнуть от себя молодежь. Мы должны стараться изо всех сил сделать более веселым и интересным наш быт. Стеновая газета не должна быть исключением из этого правила. Частушки, фельетоны, рэвюны, смешной рисунок надо всемерно поощрять. Очень часто материал в такой форме легче доходит до читателя, сильнее бьет в цель, чем большая грозная статья.

Весной прошлого года в одной из деревень под Москвой на вечер в избу-читальню спели такую частушку:

Уж завкалал лягушки,
Очень бродят по трассе,
Член правления Кукушки
За бутылкой в Солове.

Солова — деревня, где продвинуто горючку. Приближался сев, а член-правления колхоза регулярно отправлялся в соседнюю деревню за угощением. После того, как его выслали в наступке с ветрами и в стенигазете, он хомля жаловаться, доказывая, что это было с ним один только раз, и т. д. Но во всяком случае колхозники заметили некоторый перелом в его поведении: на работу он стал выходить вовремя и пить меньше. Частушка оказалась здесь несомненно благотворное влияние.

Но, вышеназван и вышечены недостатки, надо знать, что и как исправлять. Если смешаться над товарищем, который допустил случайную ошибку, смех должен быть товарищеским. Если вышеназван классового врага, мракосеба или кулака, сравнительно хозяйственно-политическая кампания, нечто добродушно утешаться,—надо бить крепко и зло. Незлобив юмор пусть перейдет в уничтожающую сатиру. Образы такой сатиры дают поэты Маяковский и Демьян Бедный. Отличные шуточные рассказы можно найти у Чехова и у Золенко.

Сказанное здесь относится и к стенигазетам городских предприятий. Опыт этих более сим-

пных стенигазет должны перенести в деревню работники предприятий, работающих в деревнях, едущие в деревню, рабочие, ведущие переписку с деревенскими родственниками.

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ — НЕ АМБАР

Из района приехал в деревню Кудиново один из упомянутых. Он зашел в сельский совет, устроился у печки и завел неторопливую беседу с избачом:

«Что ты в самом деле рассуждаешь? А программу, драмкружок. Это все теория. Я так полагаю, что от избача и от избачитальни сейчас при горячей работе дрова помочь требуется. Ваяй бы ты в избу сортировку и накручивай бы ее с комсомольцами, а зерно кончить — хомуты надо чинить к севу».

Избач был удивлен подобной постановкой вопроса, но все-таки начал рассуждать так: «Конечно, если б изба моя работала хорошо, тогда дрова дело. А тут, с одной стороны, дрова наши горят в сельхозполье пеньки, а у нас холодно; плакаты наповнюю сорвали, лекции читать никому, да и пол так покоролено, что и влякать нельзя. А может и верно говорит упомянутый тобой подлисток... Поставить сортировку и баста».

И избач напомнил нам об этом приезде в деревню городского человека и о беседе с ним у горячей пеньки сельхоза.

Никто не может оспаривать того, что комсомольцы и молодые колхозники должны активно участвовать в сортировке зерна и в ремонте хомутов к севу. Но это совсем не значит, что избу-читальню надо превратить в амбар и в поповничью мастерскую. Гораздо вернее и полезнее будет, если избач вместе с активом избачитальни займется мобилизацией молодежи на борьбу за хлеб, за урожай, за выполнение за те конкретные боевые задачи, которые стоят сегодня перед колхозами.

То, что дрова, принадлежащие избачитальне, кто-то сжигает, то, что плакаты свисают со стен, словно равные тряпки, а пол поломан и негде проводить его за чужими плечами, совсем не означает, что надо закончить работу. Все это доказывает только, что избач вместе со своими помощниками, а также комсомольской ячейке не умеют бороться за организацию комсомольского досуга.

Совсем нетрудно явиться на гоптепаче, чтобы кто-то стегер твои дрова и топил пеньку, чтобы кто-то разрысывал и расклевывал твою плакаты, доставал доски и чинил полы для лет и танца.

Совсем нетрудно проводить хорошо работующим благополучию и довольствие. Но это требует трудностей и в обычных, не совсем благоприятных, условиях отличной организации дело — это все не труднее. И надо быть комсомольцами не на словах, а из деле, чтобы поборог эти трудности.

Вот что надо принять во внимание, товарищи, обсуждая — банальнее дело — это в избачитальне избачитальни. А если никак нельзя достать специальных лекторов и организаторов — бесте, надо привлекать к делу этого учителя, красных партизан, агрономов, а также товарищей на горючку, производящих в села по различным делам. А иные бесцерковно замывать чинкой интересных материалов на газет, курдюков, искинг, в иной раз и все-таки песней. И тогда же придется превращать избачитальню в амбар для сортировки зерна или в мастерскую для починки хомутов.

Митинг в дни открытия избачитальни в деревне Авилково (Подольский р-н, Моск. области)

ОНИ ВЫПЕКАЮТ ИМ ВЫПУСК

А. ГРОТОВ

У М Е Ю Т Ж И Т Ь

Человек, привычный к лестничай-катакомбам старых многоэтажных московских домов, будет поражен с самого начала: ни мусора, ни темноты, ни затхлого воздуха нет в этом доме рабочих завода им. Фрунзе. Огромные окна-стены—раскрашивают солнечными лучами отполированные чистые ступени и перила. Форточки во всех этажах открыты, воздух чист, но регулярно нагреваемые батареи не дают задержаться здесь холоду и сырости.

Бытовой комсомольский коллектив завода им. Фрунзе распоряжается пятым этажом. Заботливая рука украсила вход в квартиры коллективистов портялкой с бархромой. Налево от входа важно расположился телефон. Дежурный с

большой шеткой торопливо идет по коридору.

Здесь живут 80 молодых ударников завода, преимущественно комсомолы и партийцы. Они работают в разных сменах; три раза в сутки идут торопливые люди к широким воротам ударного завода; три раза в сутки протыкают ударники по приборному коридору коллектива, возвращаясь из гресунчих цехов. Но не разбивает разновременная работа людей жестко сколоченной комсомольской артели.

Пока идет рабочая шестидневка, все работают, учатся и отдыхают сменными бригадами, а в выходные дни—общая вылазка в театр, коллективная физкультура, массовые игры и танцы в просторной «шумной комнате», где украшены стены, где уютные мягкие диваны,

ванночки, стопки негативов, образцы работы. Физкультурный акция громыхает снарядами и штангами, готовясь к сдаче испытаний на значок ГТО. С учебниками и с карандашами в руках сидят ударники, одолевая непокорные науки математику, исторический материализм...

где весело грезит плахино, где свежее газеты и журналы.

Над каютами лампами и мелкими конструкциями сидят сосредоточенные ребята. Готовится открытие специального радиопула — собственности бытового коллектива. Фотолаборатория разбросала по полкам и столам эмальированные

Зарабатывают ребята на кружках десяти рублей на брате. Около половины заработка идет в коллективный котел на повседневные расходы: питание, квартиру, стирку, коммунальные услуги и т. п. Остальными деньгами каждый распоряжается по собственному усмотрению.

В коллективе есть много семейных ребят, есть «команды» детей в 11 человек. Семейным выделены отдельные комнаты. Здесь особенно тщательно следят за чистотой скатертей и вывадок, за блеском зеленых абакжуров и оконных стекол.

На заводе начинает работать первая смена в 7 ч. 30 мин утра. Ходу по заводу 15 минут. Ровно в 7 часов отодвигаются чайные станки и тарелки с остатками завтрака, а еще через 5 минут шумная компания стремительно идет по заводской улице.

Вскоре уже моется, завтракает, переодевается оживленная толпа, светом и чистотой своего дома ночная смена ударников-комсомольцев. Так удается людям отчаянная бытовая зарплата, помогающая ударному труду.

Карточки и зарборники книжками всех членов коллектива ведет специальная комиссия. Обязанные дежата распределяют продукты и составляют меню. Приобретенные дежурные наблюдают за коллективным порядком.

В определенные дни собирается совет коллектива с активом. Никакая бытовая дружба не защитит здесь прогульщика и лжеударника. Нет в коллективе особой, оторванной от ударной работы жизни. Только полнотный ударник и активист может здесь быть равноправным товарищем. Поэтому совет коллектива, обеспечивая бытовое обслуживание молодежи, работает также над хозяйственно-политическими проблемами.

Есть у коллектива и недостатки. Многого еще надо добиваться ребята. Больше должны им помочь общественные организации завода им. Фрунзе. Успокаиваться на достигнутом нельзя. Но надо приветствовать отличную попытку активных комсомольцев считать достижения на производстве и в учебно-бытовом быту. Это является началом овладения ленинским стилем в работе.

МЫ ЗА ТАНЦЫ

(В порядке постановки вопроса*).

А ведь у нас в клубах скучно!

Клуб — форпост культурной революции, оплотнитель массовой самодельности и активности. Задачи культурно-политического воспитания масс превалируют в клубе сейчас повышающиеся требования, с которыми однако клуб до сих пор еще не справился. Сплошь и рядом клубы бесчинствуют и бездельствуют в чужой организации досуга (суживающей) ни массы, в том числе рабочей молодежи.

В клубах скучно, молодежи туда не идет, свободное время молодежи клубом не организовано. В подтверждение этого можно привести тот пример из практики бездействующих по существу дворцов культуры Дюбасса, клубов Москвы и других городов.

Заседательская суетня, работа по шаблону, заполнение клубных вечеров бесчинными, утомительными по времени и скучными по формам, собраниями, почти полное игнорирование молодежных запросов, изолирование от могучих проявлений культурной самодельности масс — вот, к сожалению, характерные черты, верная по отношению ко многим дворцам клубов.

Это в одинаковой степени относится и к комбинатам по организации досуга — паркам культуры и отдыха, которые, несмотря на сравнительно большую посещаемость, все же не могут похвалиться тем, что они являются местом, где действительно можно отдохнуть, развлечься, получить бодрость, жизнерадостную энергию.

Метод культурыбты путем полит-агитации на массовых вечерах, танцах, культурно-массовых и некоторых «подчиненных» бытовое ведомств, получив уже достойное сатирическое отражение в фельетонах, статьях и нашей резкой оценке в решихив ВЦСПС и Комсомола. Однако положение во многих случаях все же остается мало измененным. Очень медленно опоражниваются наши клубы лицом к действительным запросам рабочей молодежи. И причину этого мы видим в том, что каждый чиновник от культурыбты хочет показать свои достижения количеством собраний, совещаний, вывешенных лозунгов, а не живыми людьми, которые имеют право на смех, на радость, на веселье и вынуждены это находить вне стен своего клуба.

Откуда танцы? Зачем танцы?

В данной статье мы хотим поговорить о танцах, об их месте в системе работы клуба. Эта форма культурной организации досуга, занимающая в быту молодежи значительное место, делая рядом клубов до сих пор игнорируется как нечто предудетительное, подлежащее искоренению и анафеме.

Хочел от культурыбты не только не способствовать организации этого вида художественной самодельности масс, а больше того — они запрещают молодежи танцевать в клубах. Если бы у этих клубных чиншв спросить, кто и в силу каких причин запрещает танцы, они, разумеется, не увидя бы ничего абсурдного в этом, тем не менее продолжали бы невинно бормотать нечто о несоответствии задач выполнения этикетки с кадрилию и т. д. Когда редакция «Комсомольской правды» издавала постановку в Горьком (Дюбассе) вопрос о проведении в молодежные общедоступные вечерами с танцами, то местные заправилы культурной жизни чуть ли не завалили представителей редакции в разряд спорщиков.

Позвольте! Что за танцы, что за пляски? Культурно шахтарткова буквально заявила следующее:

— Как вы можете этакое предлагать? Танцы — давно отживший метод работы. Сейчас не 1925 год.

Правда, такое положение не веде. Целый ряд клубов танцы допускает. Некоторые парки культуры и отдыха даже организуют специальные танцевальные площадки. Так например парк культуры и отдыха в Соколинках организован танцевальный зал. Ра-

диостанция МОСПС передает танцы накануне выходного дня.

Открытие танцевальных площадок и соответственно положительный фактор в плесе перестройки культурыбты — лицом к интересам молодежи. Однако, устройство одних танцевальных залов и площадок и введение танцев — это еще не все. Необходимо подумать об их содержании и о том, какие танцы нам нужны.

Диалектика или гусарские шпоры

Находятся еще такие теоретики, которые считают, что каждый танец должен быть построен на основе диалектического материализма, а следовательно поэтому нужны особые, отличные от общепринятых, движения. Другие требуют, чтобы на танцевальных площадках были только массовые танцы, категорически запрещая, парные (Ф. Инне требуют, наоборот, только старых балетных танцев и т. д.).

Во всяком случае ясность в этот вопрос не внесена, и многие клубные руководители частенько впадают в ту или иную крайность, действуя в халате отсталых консервативных идей, наоборот забывая об огромном эмоциональном значении танцев, благотворно от них открывающихся: драйлое, дескать, наследство.

О том, что танцы, которые сейчас исполняются молодежью и в клубах и на танцевальных площадках, не удовлетворяют, мы слышим неоднократно. Удивительного в этом ничего нет. Некоторые танцы, распространенные в наших клубах, привлек к нам еще чуть ли не со времен средневековья. Музыка и движение для них написаны и обработаны придворные и церковные композиторы, танмейстеры, приспособившие их к этикету знати.

И действительно, некоторые из этих танцев, известные под названием «балетных», в своих движениях явно подчеркивают элементы придворного этикета — реверансы, притоптывания, пешанье, «ообразженными шпорами», оставшееся в танцах от кутящих гусаров. К тому же следует признать, что отсутствие мотивов и необходимость повторять однообразные, заученные движения. Все это приводит к разрыву между танцевальным репертуаром и современностью.

Вместе с этим в силу своей эмоциональной насыщенности и художественности, в силу своих высоких хореографических данных многие старые, общедоступные и популярные до сих пор танцы несомненно еще сыграл культурную роль, выполнявшую за счет современности, вычеркивая в два счета из быта нежизненное. Отношение к ним должно быть такое же, как и к другим видам искусства.

Наряду с этим долами идти борьба за создание новых танцев.

Но каких? Вот в чем вопрос.

Папа римский, где ты был?

И вот стремление найти новую форму танца, которая бы удовлетворяла запросам культурно растущей молодежи, была бы действительно проявлением художественной самодельности масс, находит различных своих осуществителей.

Возникает различного рода левачие «теоретики», которые интересуются танцем только как «моющим орудием агитации и пропаганды масс по текущим кампаниям» со всеми вытекающими из такой практики последствиями.

Привыкаясь и опираясь на РАТМовские лозунги, подобные архивариусу приворога, пытаются развивать свои теории на страницах периодической печати, в книгах, на съездах, конференциях, изгоняя те танцы, которые расходятся с их трактовкой «стандальной» теории.

Это они ищали диалектический материализм в танцах и всех, кто сомневался в правильности, буржуазно-демократическим к ljudям, буржуазно-алюметам.

В действительности же их теория и практика — образец вульгаризации искусства, образец халтуры и приспособленчества. Пользуясь тем, что на этом участке теоретические культурыбты чужды, они захватывают илли-приспособленную пошлятины.

Например в городе социалистического отряда им. Калинин (ст. Тарасовка, Сев. ж. д.) нам пришлось встретиться с исполнением под видом массового пролетарского танца следующего произведения, называвшееся оно «Ватник-танец». Все это было не крут и, держась, идет вперед на мотив «Чирка» под слова:

Папа римский, где ты был?

Папа римский, вылезай вон!

Вылезай вон, вылезай вон —

Запутано в голав.

Затем все останавливается и, говоря «Ах! Ах! Ах! Ах! Ах!», идет к центру круга, а под слова «Ах! ты, что ты, что ты, что ты?» возвращаются на свои места.

После этого куплета идет в левую сторону. В описании этого танца инструкция предла-ет массовикам проводить его в «агитационные дни» (из инструкции массовикам по проведению тематических дней в городе социалистического отряда им. Калинин).

Примеров подобных танцев — сколько угодно. В практике ряда клубов и парков культуры и отдыха мы встречаемся с пролетарской «кадрилью», «комсомольской полькой» и тому подобным образцами, вся современность которых — в изменении их названия. Нередко при выполнении этих танцев мы встречаемся с выкрикиванием политических лозунгов под танцевальные мотивы, притом организаторы этого дела считают, что они с честью справляются с задачами культурного и политического воспитания масс.

И до сегодняшнего дня область танца является притом для вульгаризатора.

Танец — гимнастика мышц, тренировка дыхания, школа ритма

Создание советского танца — это вперед. Все, что до сих пор в этом направлении делалось, должно быть результатом его. Дело, несомненно обстоит, в каком танце мы встречаемся с нашей молодежью, быть бы средством выражения эмоциональных чувств нашей молодежи, средством, вносящим жизнерадостность и бодрость зарпuku в наш быт.

К каким танцам мы должны в первую очередь отнести физкультурные пляски? Физкультурная пляска в быт пролетарской молодежи, физкультурная стала потребностью. Спортивные соревнования привлекают сотни учащихся и десятны тысячи зрителей. Сотни миллионов людей следят порой за видом ГТО. Это огромные достижения. Физкультурные пляски должны на значок ГТО, должны уметь плавать, грести, бегать, прыгать, ходить в лыжах и владеть другими видами спорта.

Для того, чтобы стать нормы ГТО, надо овладеть спортивной техникой. Каковы бы ее формы, танцы, физкультурные пляски, в которых выявил бы отражение отдельные элементы спортивной упражнений, являющихся ГТО и способствующих сдаче нормы!

Волебола, теннис, коньки, лыжи, бальные танцы а-ля-образ, кроме могут дать богатейшую канву для постановки новых современных танцев.

А физкультурная провозвещает — зародила гимнастика, корректирующая движения ко-

* На обсуждение читателей.

торой способствуют повышению работоспособности, поднимают жизненный тонус, — разве не может быть использована при создании нового танца?

Танец — увлекательная релаксация трудовых процессов

Вместе с тем мы можем подумать и о так называемом производственном танце (знаем ли мы его условием конечно).

Попытки создания таких танцев делались неоднократно, но не увенчались успехом, потому что ни один из танцующих не хотел браться в руки молот или другие орудия производства, которые только обременяли движения и меньше всего способствовали эмоциональному подъему.

Если заставить людей танцевать, а к ногам их прикрепить потертые шельки, то несомненно в продуктивности такого танца, вряд ли найдется много охотников сочитать столь приятное занятие с борьбой за самизимум в помещении клуба. А такие тенденции были. «Теоретик» полит-агитпропаганды на развлекательные даже книги выписал на подобные темы («Агитпроп», изд. «Высшая культура и туризм», 1932 г.).

Производственный танец должен найти место в нашей практике. Это предложение не ново. Мы знаем о существовании так называемых «производственных танцев» еще в эпоху ремесленных цехов. В Германии, например в Нюрнберге, на площади во время праздников и карнавалов исполнялись танцы новожонков, мясников, бондари, оружейников с эмблемами их производств.

Помните, что создание нового производственного танца не должно идти по линии копирования плоских ремесленных XVII столетия. У нас — неслыханные в истории человечества новизны, социалистические формы труда, и от них нужно отталкиваться в поисках новых производственных танцев.

Танец — национальный по форме

Общее место мы должны уделить любимой всеми танцовой пляске. Национальный танец выдвигается в быт, и она пользуется огромным успехом. Нет, кажется, ни одного вечера в клубе или в доме, где бы не исполнялись русская, казавская, украинская, цыганская пляска. Все эти разновидности привлекают массу исполнителей, зрителей, и национальная пляска по праву может считаться подлинной бытовой формой художественной самодельности.

Но, к сожалению, в области национальной пляски, особенно той, которая имеет массовое распространение — «шалявках», «езгивках», «кравках» и другие, — меньше всего элементов подлинно национального народного творчества. Услужливыми представителями культуры госслужащих пляска она была в свое время приспособлена к условиям бара, ресторана и в таком виде сохранялась до наших дней.

Создавая советскую национальную пляску, мы должны, во-первых, отбросить все то, что внесено в нее чуждого («мышья Шамшля» в

Проект новых «агитмассовых» танцев

Вальс «Утиль»
Танцующие грациозно собирают полевой утиль.

лезинке например) и стремиться отстранить в движении те огромные сдвиги, которые произошли после Октября. Сейчас проблема создания нового национального танца и музыки к нему уже находит отдельные удачные разрешения. Создается танец, отражающий труд и дехканца на хлопковом поле, аджарца — на чайной плантации и т. п. Цельюв — ясно, что использование старого национального хореографического искусства, а том числе и бытовых танцев, отнюдь нами не свивается с репертуаром новых танцев, как не свиваются старая народная песня и музыка.

Создание новых танцев и успешное внедрение их в быт всецело будут зависеть от того, насколько они отвечают запросам исполнителей. Бытовой танец — это не театральная постановка, не эстрада, где нам приходится иметь дело с организованным коллективом, имеющим опыт, тренировку. Речь идет о создании современного советского танца и музыки к нему, рассчитанных на широкие массы, отвечающих все возрастающему культурному уровню масс и эмоционально насыщенным.

Пока новый танец будет существовать только в реестрах официальной клубной работы, но не пойдет в быт, пользы от него никому не будет.

Аминистировать ли западные танцы?

Совершенно особо стоит вопрос о современных западных танцах (танго, фокстрот, чарльстон и др.).

Не надо скрывать, что в молодежном быту и даже в быту высококвалифицированной рабочей молодежи (в Ленинграде например) эти танцы в известной мере еще находят место.

Как должен стоять вопрос по отношению к этим танцам?

Фокстрот-танец не отделен от фокстрота в музыке. Фокстрот же в музыке питал в себя наиболее выразительно черты буржуазного искусства последовательного элитизма.

Это искусство характерно своей крайней элитизмом, извращенностью в подавляющей художественным оскудением. В шарпной, оркестровой, популярной музыке джаза имеет буржуа отхождению и душевного пристанища от безмассовости искусства. Джаз, фокстрот — черткова буржуазного быта, и в танго виде, а каком они существуют на Западе, они не пригодны для нас. Означает ли это, что мы должны огульно прогнать мимо тех приемы, которые художественно и музыкально-эмоционально отличают элементы, какие есть, например в джазе? Разумеется нет. И применение такого использования может служить работа известного музыкального ансамбля Л. Утесова, успешно выполняющего поставять джаз критически осмысленно и реконструировать его, на службу советской эстрады.

То же, по нашему мнению, надо сделать с некоторыми современными западными танцами («Румба», «Блюз», «Бостон» и т. л.). Не будет танцев превращением, если мы скажем, что основные отличия их от лучших танцев, допускаемых в клубах, — а том, что танцующие пары могут комбинировать какие угодно фигуры, проявляя свою изобретательность, а не повторяя заученные шаблонные движения.

Некоторые из западных танцев не только не отличаются чем-либо предосудительным от «разрешенных» танцев, но и во многом напоминают элементы наиболее рекомендуемого национального пляски. Так например больше родовой фигуру казавской лезинки входит и чарльстон.

«Румба», наиболее модный танец на Западе, в целом ряд движений — точная копия черетки из «Модочка», «Бостон» — это вальс и несколько замедленного темпе, с большими разноморбизмом фигур.

Противники западных танцев в подавляющей своей точке зрения приносят в движение, что в танцах преобладают элементы эротизма. По нашему мнению, многое зависит, во-первых, от того, кем, где и в каких условиях танец будет исполняться. Если танец является дополнением к плясовой оркестру, то неизбежно примет уродливые формы. Во-вторых, решит ли он всех современных западных танцах, а о тех, в которых «элементов эротизма» не больше, чем в любом из общепринятых. В третьих, в условиях буржуазных стран есте-

Проект новых «агитмассовых» танцев

Чардаш «Охматмад»
Исполняется в барах

ственно углубляются в танце эротические тенденции и исканья не сами сущность самого танца, нередко в основе своей являющегося народным.

Огульное запрещение всех западных танцев вызывает только концентрацию молодежи вокруг «индивидуальных» патефонов и зятых домашних вечеринок.

Но вместе с тем надо решительно и сурово бороться с людьми, которые, спекулируя на лозунгах организации культурного досуга молодежи, стали бы толкать культуру на путь буржуазного пережизнения.

Выход такого пережизнения является не критический подход к художественно-бытовой культуре, принадлежащей другим классам.

Выход такого пережизнения является чрезвычайная увлеченность танцами вопреки интересам всей клубной работы.

Мы — за танцы

Молодежь, особенно высококвалифицированную, бытовое положение которой с каждым днем улучшается, преубег к себе большого доверия со стороны культурработников. Она пойдет в клуб, она включится в его повседневную воспитательную работу, если клубные работники не будут отталкивать от молодежи стеной элитного благополучия и выварить административными методами полит-агитпропаганды на улыбки, развращения, танцы.

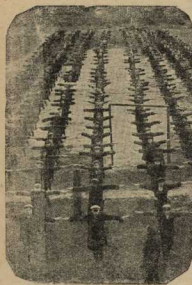
При помощи нового советского танца и исполнения из западных танцев всех здоровых элементов, борясь с вульгаризаторами этого вида художественной самодельности, мы сможем удовлетворить запросы молодежи.

Почему, если молодежь хочет потанцевать, она должна это делать отгоражив от своего производственного коллектива, где-нибудь на домашней вечеринке, а не в своем клубе?

Почему развлекание в клубе у нас часто так проводится, что мухи мрут от скуки?

Сейчас совершенно обесудить, какие танцы нам нужны, что из них можно допустить в клубы, и дать решительный отпор всем тем, кто превращает клуб из места отдыха в клановое, бюрократическое учреждение.

КУЛЬТУРНО ЖИТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНО РАБОТАТЬ

У законченной реки протянулся шаштатый забор. Он отгораживает обширную разглаженную площадь от канав, ухабов, буряков. С двух сторон площади подняты свои перелины футбольные ворота. Давно не взлетала уже футбольный мяч над этой тихим полем. Ветер и стужа прогнали физкультурников по домам. Молодежь ставит на распорки и свертывает диван, топчут копыта. В ясные и морозные дни плавно скользят на лыжах физкультурники; лыжками передвигаются они на коньках по обледеневшим рекам и каткам. В свободные часы после занятий и работы, в выходные дни развешивают свои крылья драгетский спорт. Но ведь лыжи

и коньки зимой — это только часть советской физкультуры. Утренняя зарядка на свежем воздухе, протертое помещение для работы, развешенные плечи во время занятий, ровное глубокое дыхание, восьмичасовой сон на чистой постели, тщательное умывание и чистка зубов, упругая боровая походка — все это элементы советской физкультуры, оздоровляющие молодежь.

Особенное значение имеет зарядная гимнастика под открытым небом. Она проветривает легкие физкультурника, и под ее влиянием кровь быстрее течет в его жилах. Она укрепляет нервную систему и закаляет организм. Она заражает бодростью и помогает усилению работат без ущерба для организма.

Дребезжит звонок в Южновской школе котловской молодежи Западной области. Гомон и смех слышатся в комнатах школьного общежития. Один за другим выбегают ребята на площадку. Еще две минуты — и покинутое футбольистами поле оживает. Развернутый строй учеников заполняет расстояние между воротами. Медленно поднимаются руки ребят по команде инструктора, и чистый воздух вливается в легкие, утомленные снам. Ребята приседают, поворачиваются в разные стороны, бегут на носках, черпоно размахивая согнутыми в локтях руками, затем успокаивают дыхание, сменяя бег на шаг.

На с ним кме: ученики Южновской ШММ (Западная область) на утренней зарядке. Любителями дуэты, людям с согнутыми спинами школы чему поучиться у Южновской школы.

Весь Советский союз слышал рапорт треугольника Днепроэлектростанции «Днепрогэс пущен!»

Гениальный днепропетровский план электрификации получал конкретное воплощение в гигантских сооружениях на Днепре.

Зажигаются мощные огни новых электростанций. Ручит вода, скалятся тисками гигантских шлюзов. Работает стройка индустриальных ком-

тракторных моторов. Там, где были копыта и желтая пыльца, поднимаются теперь белые колонны электрического света. Большевики умеют сочетать огромные масштабы работ с использованием самых мелких ресурсов.

Колхоз «По стопам Ильича» в селе Верхне-Погромное, Дубовского района Н. Волги, электрифицировал правление колхоза, пионерский

бинатов у высоковольтных электрических магистралей.

Но лампочка Ильича загорается не только от мощных установок. Вдалеке местах Советского союза ведут кропотливую работу энтузиасты электрификации у небольших ручьев, у мельничных колес, у

калуб, народом, две школы, сельсовет, амбулаторию, сельпо, столовую.

В 1933 г. электростроительство охватывает квартиры колхозников. На с ним кме: Молодой колхозник Турунин у распределительной доски электростанции колхоза «По стопам Ильича».

К аккуратору выделенному низкорослому дому подсажает легкая тележка. Хулащавый парень в кепке и в косоворотке сидит в тележке. Он еле ниден из-под огромного количества книжных свитков, скотков, кусков картона, плакатов, статурных в тугие трубки.

Слух о приезде представителя шефов бежит быстрой молниеносной волной, везущей человека с антуражем. Последние связки и кипы выгружаются из тележки, а уже десятки людей в халатах и в восточных шапках стоят в конюшне вокруг шефа. Косо прорезанные глаза улыбаются у антирезиолого плаката. Старый узбек, отчужденно стоявший в стороне от приехавшего российского парня, внезапно также подходит к группе людей. Он замечает узбекские надписи на плакатах и книгах.

«Русский приютил узбекские плакаты и книги» — заметил старик. Он слабо разбирается в лозунгах. Культура, национальную по форме, социалистическую по содержанию, он может увидеть только в конкретных будничных делах. И он видит эту культуру в узбекских плакатах, приехавших модами русским.

В тигватской проблеме стираются грани между городом и деревней

шефство является вопросом большого политического значения. Городской опыт, городская культура идут в деревню через шефов, умеющих работать. Бригады крестьян мастеров выезжают в колхозы готовить инвентарь к сажам. Отпускники проводят в подшефных селах свободные недели, отдавая деревне все ценное, что дали им социалистические предприятия. Секретарь парткома крупного завода переписывается с руководителям коммунистов крошечной сельской школы, передавая ему методы большинства борьбы. Лучшие ударники едут в село бороться за выполнение хозяйственно-политических кампаний. Они бьются за пашни вместе с колхозниками, беднотой и трудовым крестьянством, они помогают выкорчевывать остатки капитализма из сознания людей.

Десятилетний юбилей шефства города на деревней должен стать поводом для шефской работы. Большие парадные смотры, большие собрания о подшефниках.

На снимке: Т. Васильев, рабочий 21-го хлопководства, раздает в подшефном колхозе им. Фабрицы Ходякова газеты, плакаты и литературу.

Стихают грохот и гул. Сотни людей поворачивают головы к опасенному куску материи. Есть несколько мгноений; и занавес со скрином отбегает в сторону.

На деревенскую сцену вхолят люди. Вот один из них сказал несколько слов другому, и чуток задвинулся, что далекого от них человек изображает актер со цветистой бородкой. Это кулак. Но почему лет броча у этого кулака? Отчего не рачит он зверски и не вытаскивает обрез из-под пола? Вель он насидеи с комомольцем-селькором.

Нет, он говорит мягким голосом и смотрит добрыми глазами. Он вытаскивает квитанции по самообложению и поручительство каких-то «правтебных граждан».

Смотрит деревенская молодежь на игру актеров, удивляется немного необычному типу кулака, но постепенно начинает ощущать живую правду образа.

Когда завет ребята из нардома, Один заводит разговор:

— А ведь вель подметали. Ни сапогов гармошкой, ни жилеткин с щечной ил тухий такой, выдержанный.

Деревенские драмкружки поднимаются на сцену ступень. Вместо немалых шаблонных анкет помятаются на колхозной сцене умные, тщательно подготовленные постановки. Развлекая молодежь, они

помогают бороться за новые отношения к труду, за нового человека и узнавать врага, скрытого человека под маской.

Самодельный драмкружок надо организовать в каждом колхозе. Он должен бороться за качество советского искусства.

На снимке: члены драмкружка при колхозе «Красные всходы» (Подольский район, Московской области) принимают перед комедийным спектаклем.

МИЛОСТИ ПРОСИМ

Нас много. Все мы веселые и жизнерадостные люди. Всем нам хочется интересно провести день или вечер в теплой товарищеской обстановке. Куда идти? В театр, цирк или кино. Но в театре, несмотря даже на изысканную программу, мы тогда сидим, а нам хочется равноваривать, действовать, навязать друг другу свои идеи.

— Домой! — говорят вы. Но дома нашей ширмой кампания будет просто тесно.

В клуб? Кто сказал в клуб? Да, это вы сказали в клуб. Но почему, товарищи, вы при этом замолчали? Почему вы уставились виновно на меня же, предвещая? Вы не хотите ответить? Что ж, не надо, мы сами попробуем ответить на ваш вопрос. Тем более, что у нас под рукой имеются материалы МПСПС по обследованию полдюжества десятков московских клубов.

Вечером были сделаны последние приготовления, и утром мы тронулись в путь.

Воздух был свеж и приятен, улицы чисты и опрятны, и даже старые трамвайные вагоны будто раздвинули свои стены и стали просторнее.

В общем радовалась душа Москвы благоустроенному виду десятка районов, и горю стоял город на охране выходного дня своих жителей.

Был яркий день. Город нежился в лучах солнца, наслаждался потоками кислорода, и мы, вдохновенные природой, радостно шагали по тротуарам навстречу приятной неизвестности.

Нас было много. Все мы были восторженными членами комсомола и все питали большие надежды на творческие силы своих культурно-бюджетников.

— Друзья! — кричала нам железнодорожник в этот исключительный день тепла и выходного энтузиазма. Я приглашаю вас — честных тружеников пятилетки — в нашу клубную обитель провести несколько приятных часов культурного досуга.

— Почему тебе такая честь? — обиделись, спросила железнодорожника молодая текстильщица. — Друзья, — бросила она нам, — мы сегодня сами гости, и мы от имени сотни тысяч московских ткачей и прядильщиков приглашаю вас провести выходной день в нашем клубе.

— Нет, в нашем, а в нашем — закончили со всех сторон химик, трамвайчик, коженщик и металлист, и на ушах стало шумно.

И тогда среди нашей восторженной компании обнаружился один гражданин, которого сама мать-природа наделила мудростью старого римлянина.

— Порядок, друзья, порядок! — тихо сказал он. — Я всю жизнь узнавал царя Ирода только за то, что он уничтожал всех своих шумных подданных в ранние дни их младенчества. Подумайте сами, зачем кричать, если среди нас имеется соотечественник с готовым компромиссным решением. Этот соотечественник — я — представляю поклонник царя Ирода, — и у меня есть следующий вариант нашего армярепированного. Давайте начнем наше хождение в гости с железнодорожников и кончим химиком. Таким образом не будет споров и мы в последний согласии выйдем сразу двух зайцев.

Это компромиссное предложение было быстро принято, и железнодорожник радостно стал стучать в двери родного ему клуба «Красно» с «Я в я».

Первый, кто встретил нас в «Красном» землекоп, был сторож. С двери еще не был снят крючок, а мы уже слышали горячие возгласия приветствия.

— И что это за сукины дети шаяются тут! — кричал сторож.

— А ты их палкой, — посоветовал сторожу чей-то приятный голос.

Наш железнодорожник залезил краской стиды и хотел было извиниться, но дверь клуба с шумом открылась, и тот же приятный голос схлопотал спросил:

— Вам куда дать прикажете — по зубам или по шею?

— Да нам собственно никуда не надо, — гордо сказал железнодорожник. — Мы заведующего хотим вылететь.

— Еще кого вы прикажете подать? — продолжал звать сторож, наирывался в глубь здания, — вам, может заодно и Калинин вызвать?

Мы молча шли по грязным лестницам и темным коридорам за сторожем, а растерявшийся железнодорожник тихо оправдывался перед нами:

— Вы уж простите меня за сторожа. Это у него от некультурности. Мы вот сейчас за клубом найдем, тогда дело у нас по-другому обернется.

Зав. клубом оказался занятым в кинозале. Мы не роптали и терпеливо ждали, пока не кончился киносеанс. Когда в зале зажегся наконец свет, нашим глазам представилось странное зрелище. В пустом зале сидел зав. клубом в одиночку со своим семейством и наслаждался продукцией Межрабпомфильма.

— Простите, — вежливо сказал зав. клубом. — Как говорится, с волками жить — по-волчьи выть. Приходится кустиничать и поднимать различными кинофильмами культурный уровень собственного семейства. За последний месяц нами просмотрены из кавказской жизни «Абрек Заур», «Пателала» и «Хас Пуш», из революционной жизни «Златые горы», «Путежа в жизнь» и «Встречная».

— Интересно, — сказал железнодорожник, — а мы, знаете, к вам в гости. Вот познакомимся — это мой товарищ... Я пришел их сегодня рано выходного дня к нам в клуб культурно провести здесь время.

— Простите, — сказал зав. клубом, — но у нас это не водится.

— Что же водится?

— Да вот это самое. У нас только кино имеется. Если хотите, я могу приказать механику прокрутить еще один сеанс. Рекомендую картину из кавказской жизни... с убийствами и пылками. Вы сидите и посматриваете. Может и у ваших гостей от этой кинокартины...

— Нет, зачем же, — сказали мы, — беспокоиться.

— Пойдите, постойте, — продолжал настаивать железнодорожник.

— Пойдите лучше вверх — в читальню или в буфет.

— Простите, — снова сказал зав. клубом, — но читальня у нас злата устаканована, а в буфете имеется одна повилда, да и та с небольшим прикусом плевоси. Сами знаете — с волками жить, — по-волчьи выть.

— Так что же, вы вот со всеми так волком и воете? — спросила текстильщица.

— Чего? — рявкнул зав. клубом. — В общем кто остается — остается, а без дела тут задерживаться воспрещается.

Так как растерянный этим приездом железнодорожник молчал, мы не стали спорить с зав. клубом и быстро вышли на улицу.

Солнце попеременно кунало горю тепловатими калориями и никак не гармонировало с нашим мрачным настроением. Но вот железнодорожники трое текстильщиц влохнули нам в гурьланую струю бюрократии.

— Друзья, — кричала она, — мы сегодня сами гости, и я...

— Почему кричать, — перебил текстильщик поклонник царя Ирода, — если мы уже и так знаем, что вы от имени сотни тысяч ткачей и прядильщиков приглашаете нас сегодня в гости в свой клуб.

— Текстильщица, — стремглаз текстильщица, — и откуда вы про это знаете?

В кассе клуба «Красные текстильщицы» бойко торговали билетами на картину «Кавказский пленник», а местный зав. клубом радостно потирал руки.

— Товарищ зав. клубом, — сказала текстильщица, — а ведь мы к вам. Хотим, так сказать, компания испытать в нашем хранилище все двадцать два удовольствия культурно организованного досуга.

— Что ж, — иррачно ответил он, — как зав. клубом, я очень рад. Но как член партии я бы не советовал.

— Почему?

— Да как сказать вам? Ну, на картину «Кавказский пленник» не советуем потому, что она от старости до того изобразна, что сейчас по соседству и не поймешь, где в картине Кавказ, а где пленник. Ну, а малый зал не советуем потому, что там у нас идет драматическая постановка не то «Ледокол», не то «Ледолод». Давали нам эту постановку за детскую, мы детей и запустили в зал, а в втором действии меня ронтили чуть было не побили. Разразит, кричат, да и только!

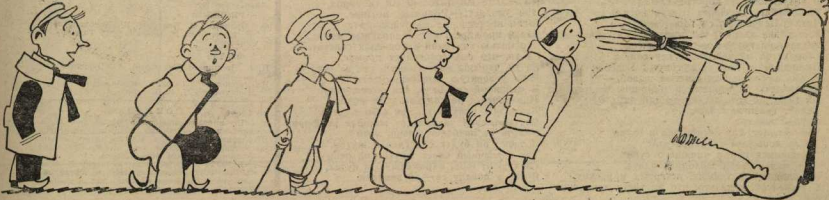
Наша жизнерадостная текстильщица была по природе своей оптимисткой, поэтому она не стала дослушивать речь зав. клубом и потащила нас в фойе.

В фойе было жарко, как в корабельной котельной. Сотни ног переминались в бесконечном круге, и тут же у ног яркими цветными клубками гондизались крошечные дети.

Мы шли по клубу в поисках неизвестных насладжений и не находили их. В комнате отдела репертуара кружок духового оркестра. Рыжий парень бодро разучивал на отечественном басы мелодию немецкого марша, а я вместо наслаждения сидел и подслушивал, сколько похвальных примусных горюлок можно было слепать из медных труб этого прокатного басы.

— Ну, как отдыхаете? — вежливо спросил нас забредший на минуту зав. клубом.

КЛУБ

— Да ничего, — отвечает кто-то.
 — Может вам есть хочется? Вы не естесняйтесь, и до буфета вас всегда проведут сумою, мы чай варим, поиндуку есть stiamo.
 — Подъемте! — в последний раз закричала радостно спавшая уже было луском текстильщица. Но поклонник пары Ирода зеркала привоочил ее восторженности всего одним вопросом:
 — Скажите, — спросил он заа, клубом, а поиндука ваши пассажиры пахнут?

— Пахнут.
 — Ну, тогда спасибо. Нам сегодня некогда. Мы вышли из клуба. Сверху ласково спомотрели на мир звезды, луна споконно в высоте над нами клубом проплавала. В природе все было в порядке.

Мы молча данигались по асфальту. Бушевала одна текстильщица:
 — И откуда вы знаете, что с плесенью, — шипела она на поклонника пары Ирода. — Мы моет быть и не заметили бы плесени, да вечер за нами проведи, а теперь куда прикажете?

— Как куда? — закричали вперед. — К нам, к нам, — пригласили химик, пищенщица и металлисты.
 — Не к ним, а к нам, — заявил трамвайщик, — тем более, что наш клуб здесь поблизости.

Мы не стали спорить и тихо побрели в клуб им. товарища Русакова. Клуб трамвайщиков привал нас довольно своеобразно. Клубная дверь долго не открывалась.
 — Откройте, — кричал трамвайщик.
 — А зачем? — спрашивал из-за двери дежурный по клубу.

— Да мы вот ударник, отдохнуть пришли.
 — Так вы не туда пришли, — ответил дежурный. — Тот, кто устал, имеет право у той режки отдохнуть, а яви клуб не для отдыха организмов, а для трудовой зарплатки.

— Да вы откройте, мы хоть в шапки поиграем.
 — Не поиграете, — упорствовал дежурный, — шапки у нас еще в прошлом году украдены.

— Товарищ, — возмозился наконец трамвайщик, — у нас выходные день пропалает, откройте, мы хоть книжки в читальне почитаем.
 — О чем вы вообще думаете? — закричала дежурный. — Вы значит выходные, а мы каторжные? У нашей читалки сегодня тоже выходные.

— Что же у вас явонец есть? — возмущенно спросил мы.
 — Буфет, — ответил дежурный.
 — И конечно с поиндукой? — задал вопрос поклонник пары Ирода.

— С поиндукой, — ответила дежурный, и отыряла дверь, крикнула:
 — Милюсти проси!
 Но было уже поздно. Мы молча расходились в стороны, и перед клубным подъездом никого не было.

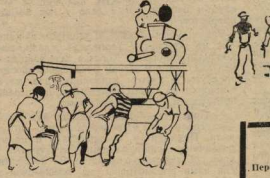
КРАСНЫЙ ОБОЗ ИЗ МОЛОДЕЖНОГО КОЛХОЗА

Кого восток
 Анисковой свисал,
 Вихры берез
 покрыв налетом меди,
 За выгоном испорхнул голоса
 И край оживший
 песнею забредла.
 Крутую высь стремительно проинзал
 лихой-лихой
 ребячий подголосок.
 Пузатые подводы пополази,
 Захлопали
 тяжелые колеса..
 ... Пошел
 обозом
 в город урожай,
 Борьбой добытый
 на земле колхозной.

А песни гоюас в даяях все дрожал
 И шелестели листья у березы,
 Полотнища свисались
 ветром с дуг,

Слоя глядели на Казугу пынно:
 «В ответ на слети
 И кулацкий гюух
 Сухинский колхоз
 везет изашки».

Дм. КЕДРИН

КРОВИНА

Родная кровинка течет в ее жилах,
 И больно, пусть все мого слабости простит,
 От глаз ее жалах, от рук ее милах
 Отречься — и память со счетов скосить.
 Выстриваясь, по куску выпадая,
 Душа искривилась, как зуб, до корня.
 Шля годы, и эти ли полуседая
 Тщедушная женщина — мать у меня?
 Убогая! Где твоя прежняя сияла?
 В какую могилу дорогой слагла?
 Выпоявляясь, кисельные платяя носила,
 Шила Неврасова, смуглой была.
 Распятаа зерем, чье призрачье — рынок,
 Раздавлена грузом матрацов и соф,
 Соревла на пламени всех керосинки,
 Выпоявших в недрах кухонных Гоголов.
 И вот они, — вечная песенка жалаб, —
 Соявность да втертый в морщины желток,
 Да кося, по-водчьи, свисающий на лоб
 Селой, грязноватый,
 Скупой завиток.
 Таке попусту, так бесполезно и глупо
 Долга допылала твои красота!
 Дымящийся паром кипящего супа
 Весь мир от тебя заслоняла плита.
 В поинповенных туфлях, истертых в рынках,
 С кошелек, в пальто, что не греет души,

Привыкла бжудать между рыночных выгид
 Торгуясь, клянясь, спондином гроши.
 Трудовая эта лоза и жребий несладок —
 Пугаться трамвая, бороться жуедей,
 Топкаться в хвостах продуктовых палаток
 Среди заветсгадатея очереди.
 Но жезин не слышно в ее укоризне,
 Огач не наскучил ей, набоорот!
 Ей быть и не силлось козьююк жизни,
 Но только властелинщинея скорюрой.
 Она умоляет: — Родимый, потине,
 Жизнь неслеза, не влоудей, дитя,
 Давай прожисам, как подольные мыши,
 Что поинью глубокой в подвалах свиств.
 За то, что она исповедует примус,
 За то, что она мезя зюдыми, как в лесу,
 Мого услужливую неприявиримость,
 К мышиной судье я, как знами, несу.
 Мне хочется расколдовать ее морю.
 Взять под руку мать, как слепое дитя.
 От противней чадных, от жирных конфорок
 Увлечь ее на берег жизни, хотя —
 Я знаю: он будет ей чуден и джукот,
 Тот солнечный берек житейской реки —
 Слепую от шор, охромешую в путях,
 Я все же поведу ее — ей поперки.

СОДЕРЖАНИЕ

Передова — Ленинский стиль побед	3
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:	
М. Шонин — Последний батрак	5
М. Гольдберг — Батьковщина Бездарук	7
А. Кронгауз — Врань	10
Пр. Вильямшинова — Призвал машин первой пятилетки	14
Инг. Хювнин — Какая мебель нам нужна?	19
Вор. Громов — Поход «Сибиряков»	21
Дж. Лебен — Бессмертные	23
Б. Розенштейн — Повея о человеке	25
А. Гретов — Устал жить	28
С. Степан — Мы — на танцы	29
С. Нарвилья — Милости прощам	29
СТИХИ:	
Хр. Свирицкий — Карл Либнехт, перси.	4
С. Сиванова	10
Боллок заушнички нашу жизнь, фотоочерк	10
И. ИЛЮХИН	
Выводная консультация	24
Культурно-дичь, производительно рабодать, бытовная хроника	28
И. Илюхин — Красный обоз из молодежного колхоза	30
Дм. Кедрин — Кровинка	31
Шлакветт	31
Шире, фотоочерк	32

РИСУНКИ

Ф. Мудрда, В. Сварога, В. Колопалова, Л. Прокопови, В. Гриневич, Г. Тихолиникова

ФОТО:
 П. Е. Поинного (Совхозото), А. Скурциши, С. Лебенг.
 На обложке: Дедюков «Сибиряков» во таллах-фото И. К. Поинного.

ПОПРАВКИ
 По ине типографии в № 23 тов. И. В. Кронгауза ошибочно указан составитель очерка Л. Бархаша «Дело шитю Гарно». В действительности тов. И. В. Бархаша является автором фотографий.
 В № 24 в предисловии к очерку В. Невачина «Оба производителя» в последней строке после слов «И судя над...» вышаны слова: «...департамент Святироко И...».

В МОСКОВСКОМ ЦИРКЕ

Цирк перелюбен. Перед зрителями проходят все те же номера, которые — уж так повелось! — из года в год демонстрируются в наших цирках без малейших изменений на их оформление и реконструкцию.

В стране происходят огромные социальные сдвиги, находящие свое отражение в театре, кино, в искусстве вообще. К сожалению, цирка это не касается, и на его арене все по-старинке. Та же убогая клоунада с анре и шутками евреев опиковских и покоренья Крама; те же остроты с козырьком и по-су, подаваемые как «чистка аппарата», и т. п.

Правда, советские цирковые артисты добились больших успехов в овладении техникой циркового искусства, в своем исполнении зачастую имеют не уступающую иностранцам. Но им еще необходимо много и упорно работать над шлифовкой и подачей своих номеров. И прекрасно исполняемые номера молодых артистов — жонглеров 2 Яврияна и акробатов — на приближающейся лестнице 3 Гейдана — свидетельствуют о тех возможностях, которые кроются в среде цирковой молодежи. Нужна только взоразительная режиссура, смелое отображающая слепое подражание старым образцам цирка.

В остальной программе то же старое, но высокое мастерство конной дисциплины, показная джиг-Эми Грудца, четкая подача номеров иностранными туристками 3 Бархардс и акробатками 2 Фигнер и т. д.

На арене не видно стремления обновить старое. Артисты находятся в плену цирковой рутины.